

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Барнаульский юридический институт

О.В. Ермакова

**Понятие механизма преступного
деяния и его значение
для науки уголовного права**

Монография

Барнаул 2019

ББК 67.408.01

Е 721

Ермакова, О.В.

Е 721 Понятие механизма преступного деяния и его значение для науки уголовного права : монография / О.В. Ермакова. – Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2019. – 116 с.

ISBN 978-5-94552-369-2

Рецензенты:

Шатилович С.Н. – начальник кафедры правовой подготовки сотрудников органов внутренних дел Тюменского института повышения квалификации сотрудников органов внутренних дел, канд. юрид. наук, доцент;

Голубых Н.В. – начальник кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Уральского юридического института МВД России, канд. юрид. наук, доцент.

Представленная монография раскрывает понятие и признаки механизма преступного деяния с точки зрения уголовно-правовой науки. Основой для исследования послужило учение о механизме индивидуального преступного поведения, разработанное в криминологии, проанализированное применительно к вопросам конструирования состава преступления и определения момента окончания преступления. Отдельное внимание уделяется влиянию механизма преступного деяния на конструкцию состава преступления и определение его момента окончания.

Монография предназначена для обучающихся в образовательных организациях высшего образования системы МВД России, преподавателей, а также работников правоприменительных органов.

ББК 67.408.01

ISBN 978-5-94552-369-2

© Барнаульский юридический
институт МВД России, 2019
© Ермакова О.В., 2019

Введение

В науке уголовного права вопросам механизма преступного деяния внимание не уделяется, поскольку в настоящее время сформировалось мнение о том, что его изучение относится исключительно к предмету криминологии.

Однако такой подход, учитывая взаимосвязь уголовно-правовой и криминологической науки, представляется излишне упрощенным.

По своей сути, понятие механизма преступного деяния раскрывает процесс совершения преступления, протекающий во времени и пространстве. В свою очередь, для уголовного права изучение указанного процесса также имеет первостепенное значение как в рамках самого понятия преступления, так и для описания преступного деяния в нормах Особенной части путем конструирования состава преступления.

Одним из вопросов, касающихся конструирования состава преступления, не получившим достаточной разработки в рамках теории конструирования составов преступлений¹, является проблема выбора конструкции состава и юридического момента окончания преступления, восходящая, с одной стороны, к характеристике любого преступного деяния как явления с временной протяженностью, а с другой – к правомочию законодателя устанавливать момент окончания преступления на различных этапах развития преступления.

В научной литературе проблема выбора законодателем конструкции состава преступления и регламентации момента окончания преступления подносится как констатация устоявшегося факта, без выяснения тех причин, по которым используется та или иная конструкция. Поэтому вопрос, почему в одних составах для признания преступления оконченным необходимо наступление последствий, а для других – только факт совершения действия (бездействия), до сих пор остается открытым, а вместо полного и глубокого изучения обозначенной проблемы осуществлено лишь ее фрагментарное упоминание.

В начале 90-х гг. прошлого века С.В. Землюков писал: «Законодатель достаточно произвольно формулирует составы преступлений,

¹ Несмотря на то, что многие видные деятели науки уголовного права посвятили свои труды именно проблемам конструирования состава преступления, в большинстве научных работ освещается процедура создания конструкций составов преступлений, их правовая природа, объективные и субъективные признаки, представляющие содержание состава преступления.

диспозиции норм, определяет моменты окончания преступления...»¹. К сожалению, в этой части немного изменилось и к настоящему времени, поскольку в действующем УК РФ даже схожие преступления, посягающие на один объект, имеют разные типы конструкций, а в отдельных составах вообще трудно установить разновидность используемой конструкции.

Вместе с тем вид конструкции состава преступления и соответствующий ему юридический момент окончания преступления влияют на квалификацию деяния и назначение наказания, на возможность добровольного отказа и применения составов неоконченного преступления; грамотное использование юридических конструкций может усиливать или ослаблять меры уголовной репрессии. Так, перенос момента окончания преступления на более раннюю стадию, предполагающий признание оконченным преступлением уже приготовление или покушение, свидетельствует об ужесточении уголовной ответственности.

Изложенное свидетельствует о необходимости создания концепции выбора конструкции состава оконченного преступления и регламентации момента его окончания.

Разработка такой концепции представляет особую значимость для законотворчества и правоприменения. В частности, руководствуясь определенными правилами выбора конструкции составов преступлений, законодатель перейдет от «хаотичного» создания уголовно-правовых норм к концептуальной системе, что позволит исключить противоречия между различными нормами, их дублирование, повысить качество принимаемых законов и, несомненно, сократит ошибки в квалификации преступлений в правоприменительной деятельности.

Любая концепция должна основываться на определенном базисном элементе, объединяющем ее составные части. При определении такого базиса применительно к концепции выбора конструкции состава оконченного преступления и регламентации момента окончания следует руководствоваться связью между юридическим моментом окончания и временной протяженностью преступного деяния, проявляющейся в том, что установление момента окончания преступления на определенном этапе развития преступного деяния предполагает признание этого этапа оконченным преступлением.

¹ Землюков С.В. Уголовно-правовые проблемы преступного вреда. Новосибирск, 1991. С. 58.

Соответственно, исходным элементом при построении концепции выбора конструкции состава должен выступать процесс совершения преступления, представляющий собой механизм преступного деяния.

В данной работе представлены первые пробы совмещения в рамках единого исследования криминологического учения и уголовно-правового для решения уникальной задачи выбора конструкции состава преступления.

Исходя из этого, цель исследования состоит в разработке понятия механизма преступного деяния, его содержания и влияния на выбор конструкции состава оконченного преступления и регламентацию момента окончания.

Решение поставленной цели имеет принципиальное значение для создания логически стройного уголовного законодательства, а также для развития теории уголовного права в части создания концепции конструирования состава преступления. Однако нельзя не указать на несомненное практическое значение, заключающееся в том, что благодаря данным разработкам толкование момента окончания преступлений, закрепленных в Особенной части УК РФ, приобретет единообразный характер.

Механизм преступного деяния, его содержание и значение

§ 1.1. Понятие механизма преступного деяния, отличие от смежных категорий

Совершение преступления всегда предполагает определенную деятельность виновного лица, содержание которой может состоять из различного набора человеческих манипуляций. При этом человеческий поступок становится преступлением только после его криминализации и закрепления в уголовном законе, поэтому в большинстве случаев первичным явлением выступает поступок человека, а вторичным – объявление его преступлением¹.

Своевременный анализ особенностей человеческой деятельности будет способствовать устранению пробелов в законодательстве путем криминализации деяний, еще не являющихся преступлениями. Кроме того, именно такие особенности, характерные для определенного вида поступков, должны быть положены в основу определения его юридической конструкции и закрепления в уголовном законе.

Поэтому отправной точкой развития науки уголовного права в части учения о преступлении, криминализации, конструировании составов преступлений следует признать анализ поступка человека.

В научной литературе к вопросам характеристики деятельности лица по совершению преступления обращались в первую очередь в связи с определением понятия преступления. Так, Н.Д. Дурманов отмечал: «...Возможность выделения из всей необозримой массы человеческих поступков только некоторой их части и рассмотрения их более или менее изолированно от остальных поступков является необходимой предпосылкой построения учения о преступлении»².

Однако, несмотря на многочисленные исследования, до настоящего времени не достигнута даже терминологическая определенность в описании содержания преступления.

¹ Подобная последовательность имеет место не всегда. Так, например, в случае ратификации Российской Федерацией какого-либо преступления и введения его в национальное законодательство общественная жизнь может долгое время и не знать таких поступков.

² Дурманов Н.Д. Понятие преступления. М., 1948. С. 12.

В большинстве научных источников употребляется понятие «общественно опасное поведение»¹.

Так, А.Н. Павлухин указывает, что общественно опасное поведение составляет содержание преступления².

Определение преступления через категорию поведения можно встретить и в зарубежном законодательстве. Например, в уголовном законе штатов Нью-Йорк, Колорадо, Пенсильвания под преступлением понимается поведение, которое неоправданно и неизвинительно причиняет или угрожает причинить существенный вред индивидуальным или публичным интересам³.

В противовес обозначенной позиции существует мнение о недопустимости вводить в уголовное законодательство социологизированные понятия, поскольку, как считает А.Н. Игнатов, «...это равносильно деюридизации, размыванию правовых критериев...»⁴.

Второй подход к определению содержания преступной деятельности человека предполагает, что преступление – это посягательство. Так, В.Д. Спасович в учебнике по уголовному праву понимал под преступлением «противозаконное посягательство на чье-либо право, столь существенное, что государство, считая это право одним из необходимых условий общежития, при недостаточности других охранительных средств ограждает ненарушимость его наказанием»⁵.

Аналогичную позицию занимают М.П. Карпушин и В.И. Курляндский, указывая, что термин «посягательство» точнее передает и объективную, и субъективную общественную опасность⁶.

А.И. Марцев обосновывает необходимость использования термина «посягательство» тем обстоятельством, что «действующий и пред-

¹ См.: Мальцев В.В. Принципы уголовного права. Волгоград, 2001; Павлухин А.Н. Общественно опасное поведение и его уголовная противоправность. М., 2007 и т.д.

² Павлухин А.Н. Общественно опасное поведение ... С. 3. Данная точка зрения находит отражение также и в названии главы 1 указанной работы «Общественно опасное поведение как содержание преступления».

³ Уголовное право США. URL: http://adhdportal.com/book_1795.html.

⁴ Игнатов А.Н. Концептуальные начала уголовного законодательства Российской Федерации // Советская юстиция. 1992. № 3. С. 2.

⁵ Цит. по: Павлухин А.Н. Общественно опасное поведение ... С. 10.

⁶ Карпушин М.П., Курляндский В.И. Уголовная ответственность и состав преступления. М., 1974. С. 89.

полагаемый законы применительно к понятию преступления оперируют категориями “посягательство”»¹.

Согласно третьему подходу, для отражения в УК любой активности больше всего подходит понятие «деятельность», охватывающее «биологическую жизнедеятельность человека и его социокультурную, специфически человеческую деятельность»².

И, наконец, четвертый подход, воспринятый действующим уголовным законодательством, заключается в том, что преступление – это деяние³. Именно такой термин употребляется в дефиниции преступления, закрепленной в ч. 1 ст. 14 УК РФ (преступление – это «виновно совершенное общественно опасное деяние»).

С целью выработки единого толкования данных терминов, а также уяснения их соотношения между собой необходимо провести детальный анализ.

Однако следует констатировать, что определенные сложности в изучении обозначенных терминов составляет их междотраслевой и даже междисциплинарный характер, поскольку они изучаются не только в рамках юридических наук (криминология, уголовное право), но и иных социальных наук (социология, психология, философия и др.). Так, В.В. Мальцев указывает, что «категория “общественно опасное поведение” простирается до междотраслевого и общесоциального уровней»⁴. При этом если в иных областях научного знания особенности человеческого поведения вообще и преступного в частности в достаточной мере изучены⁵, то для потребностей уголовного права подобные разработки практически не осуществлялись.

Наиболее общее понятие поведения определяется как активность организма, возникающая в процессе приспособления его к среде⁶. Од-

¹ Марцев А.И. Вопросы учения о преступлении и ответственности (избранные статьи). Омск, 1998. С. 38-39.

² Плохова В.И. Ненасильственные преступления против собственности. СПб., 2003. С. 40-41.

³ См.: Карпец И.И. Уголовное право и этика. М., 1985. С. 104; Пимонов В.А. Теоретические и прикладные проблемы борьбы с общественно опасными посягательствами средствами уголовного права. М., 2007. С. 14. Кроме того, понимание преступления через категорию «деяние» достаточно распространено в зарубежном уголовном праве. См.: УК Испании, УК Швейцарии, УК Франции и др.

⁴ Мальцев В.В. Принципы уголовного права. С. 251-252.

⁵ Например, в психологии обстоятельно разработана мотивация преступного поведения.

⁶ Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология. М., 1982.

нако подобное определение является слишком абстрактным, напрямую не относящимся к деятельности человека.

В психологии под поведением понимается присущее живым существам взаимодействие с окружающей средой, опосредованное их внешней (двигательной) и внутренней (психической) активностью¹.

В философии под поведением понимается система внутренне взаимосвязанных действий, осуществляемых каким-либо сложным объектом, который обладает некоторой сложной организацией; эта система подчиняется определенной логике и направлена на реализацию той или иной функции, присущей данному объекту².

С точки зрения социальной психологии «поведение есть превращение внутреннего состояния человека в действия по отношению к социально значимым объектам»³.

С точки зрения правовой науки, в частности криминологии, преступное поведение «есть процесс, развертывающийся как в пространстве, так и во времени и включающий не только сами действия, изменяющие внешнюю среду, но и предшествующие им психологические явления и процессы, которые определяют генезис противоправного поступка»⁴.

Таким образом, осуществляя комплексное междисциплинарное исследование, можно прийти к выводу, что поведение предполагает деятельность человека, обусловленную психическими особенностями конкретной личности.

Термин «посягательство» означает сознательный акт деятельности человека, направленный на противосоциальное изменение объектов, охраняемых уголовным законом⁵.

Близкое по содержанию понятие посягательства предлагает А.П. Козлов, указывающий, что «им признается любое общественно опасное поведение, направленное на причинение вреда, вне зависимости от того, носит оно или нет преступный характер (например, посягательством является соответствующее поведение душевнобольного)»⁶.

¹ Скларов С.В. Мотивы индивидуального преступного поведения и уголовно-правовое значение. М., 2000. С. 11.

² См.: Ковалев М.И. Понятие преступления в советском уголовном праве. Свердловск, 1987. С. 20.

³ Кудрявцев В.Н. Право и поведение. М., 1978. С. 8.

⁴ Кудрявцев В.Н. Механизм преступного поведения. М., 1981. С. 31.

⁵ Павлухин А.Н. Общественно опасное поведение ... С. 46.

⁶ Козлов А.П. Понятие преступления. М., 2004. С. 197.

Анализ уголовного законодательства, в частности ст. 37 УК РФ, в которой используется понятие посягательства при определении необходимой обороны, не являющейся преступлением, свидетельствует об обоснованности данной позиции. Таким образом, посягательством следует признавать поведение, представляющее общественную опасность, но не всегда являющееся преступным.

Термин «деяние», исходя из лексического значения, означает акт осознанно-волевого поведения¹.

Как утверждает А.П. Козлов, в отличие от посягательства под деянием необходимо понимать только преступное поведение².

Таким образом, содержание терминов «общественно опасное поведение», «общественно опасное деяние», «общественно опасное посягательство» означает акт поведения человека.

В связи с этим можно сделать вывод, что рассмотренные термины представляют собой речевые аналоги, которые в своем содержании характеризуют один и тот же феномен. В этом можно убедиться, проанализировав определения общественно опасного поведения, предлагаемые учеными.

По мнению В.В. Мальцева, общественно опасное поведение включает в себя общественно опасное деяние, общественно опасные последствия и личность виновного³. При этом автор, объясняя причины использования данного термина в уголовном праве, указывает, что изначально более признанным было использование понятия «общественная опасность деяния». Однако учитывая, что деяние используется еще и как признак объективной стороны, требуется уточнение наименования⁴. Кроме того, указанный автор, определяя содержание поведения, отмечает, что оно не может быть ничем другим, нежели *посягательством* на общественные отношения⁵ (выделено нами. – О.Е.).

Н.П. Дубинин также указывает, что *поведенческий акт* можно охарактеризовать как *деяние*⁶.

¹ Новый толковый словообразовательный словарь русского языка / под ред. Т.Ф. Ефремовой. М., 2000.

² Козлов А.П. Понятие преступления. С. 197.

³ Мальцев В.В. Проблема отражения и оценки общественно опасного поведения в уголовном праве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1993. С. 9.

⁴ Там же. С. 19.

⁵ Там же. С. 23-24.

⁶ Дубинин Н.П. и др. Генетика, поведение, ответственность: о природе антиобщественных поступков и путях их предупреждения. М., 1989. С. 72.

Схожие рассуждения приводит Н.Ф. Кузнецова, отмечая: «...*Деяние* – это и *есть поведение* лица, охватывающее собой разные формы – как действие, так и бездействие»¹.

Осуществляя выбор наиболее пригодного термина в пользу понятия «деяние», необходимо привести ряд доводов. Во-первых, в отличие от термина «поведение», являющегося по своей природе социальным, понятие «деяние» обладает правовой оболочкой. Во-вторых, термин «поведение» характеризуется более широким содержанием, включающим в себя определенную линию поступков человека, основывающуюся на психологических особенностях личности. Так, по мнению В.Н. Кудрявцева, «преступное поведение – понятие более широкое. Исследователя, изучающего преступное поведение, интересует не только внешнее общественно опасное и противоправное действие, но и его истоки: возникновение мотивов, постановка целей, выбор средств...»². Следует согласиться с автором, что само по себе понятие преступного поведения изучается в криминологической науке при уяснении причин и условий совершения преступления, в уголовном же праве анализ поведения ограничивается только совершением деяния.

Анализ контраргументов относительно неудачности использования термина «деяние» показывает, что они сводятся к двойственности данного понятия в рамках уголовного закона. Так, А.Н. Соловьев замечает, что если «в определении преступления указанный термин аккумулирует в себе единство субъективных и объективных признаков поведения, то в статьях Особенной части уголовного закона он приобретает предельно узкое значение элемента объективной стороны состава преступления»³.

Не оспаривая двойственного значения термина «деяние», отметим, что указанное понятие во всех случаях его употребления в нормах уголовного закона означает внешнюю сторону совершения преступления, которая отражает внутреннее отношение виновного к содеянному. Ограничение же его содержания при характеристике объективной стороны состава преступления только формами действия и бездействия не образует противоречий или препятствий в понимании преступления. Иначе говоря, в понятии преступления используется

¹ Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. М., 1969. С. 40-41, 46.

² Кудрявцев В.Н. Механизм преступного поведения. С. 31.

³ См.: Соловьев А.Н. Понятие преступления: теоретические, законодательные и правоприменительные аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2000. С. 91-92.

широкое значение термина «деяние», характеризующее процесс совершения преступления. При характеристике же объективной стороны в термин «деяние» вкладывается узкое значение конкретного действия (бездействия)¹. Соответственно, можно говорить о деянии-поведении лица по совершению преступления² и деянии-действии (бездействии).

Резюмируя сказанное: общественно опасное деяние есть осознанное и волевое поведение человека, выраженное вовне в форме действия или бездействия.

Учитывая, что общественно опасное деяние как поведение человека изучается не только юридическими науками, но и общественными, в литературе можно выделить психологические признаки, присущие деянию (поведению):

1) постоянное отражение внутренней и внешней активности человека. Иначе говоря, лицо, руководствуясь сознанием и волей, направленными на совершение определенного поступка, воспроизводит его в действительности;

2) произвольность поведения, т.е. осознание человеком преследуемой цели и возможности контроля за ходом разворачивающихся процессов – как внешних, так и внутренних;

3) индивидуальность как свойство определенной, самостоятельной, отдельно существующей личности³.

Однако отдельное выделение психологических признаков вызывает сомнение, поскольку в результате тесного сотрудничества отраслей научного знания большая часть из них уже трансформировались в роль правовых признаков (например, признак осознанности). По нашему мнению, признаки общественно опасного деяния должны основываться на его внешней и внутренней характеристике, подразделяясь на объективные и субъективные.

К объективным признакам деяния необходимо относить следующие: проявляется в активной или пассивной форме; обладает обще-

¹ Это не единственная ситуация, когда используется общее и конкретное значение какого-либо понятия. Например, понятие общественной опасности применяется не только как признак преступления, но и признак деяния, преступных последствий; понятие вины характеризует и принцип уголовного права, и признак преступления, и признак субъективной стороны состава преступления.

² Данное понятие будет нами использовано при характеристике преступления (содержания механизма преступного деяния, см. § 1.2).

³ См.: Склиаров С.В. Мотивы индивидуального преступного поведения и их уголовно-правовое значение. С. 18.

ственной опасностью; посягает на охраняемые общественные отношения; представляет собой акт социальной действительности; объявляется преступлением только после закрепления в УК РФ.

Раскроем выделенные объективные признаки общественно опасного деяния более подробно.

1. Выражается в активной форме (действия) или пассивной (бездействия).

Подобное утверждение было общепризнанным не всегда. В частности, в научной литературе прошлого века отрицалось признание бездействия формой преступного деяния¹. Это объяснялось тем утверждением, что деяния, представляющее не что иное, как поведение лица, должно характеризоваться человеческой активностью. Бездействие же, как пассивный акт, не может быть разновидностью поведения и, соответственно, формой преступного деяния.

Однако развитие теории уголовного права показало ошибочность данного вывода, поскольку бездействие в мире осознанной человеческой деятельности есть тоже определенный поступок, представляющий собой разновидность вмешательства человека в объективные процессы².

Так, например, неисполнение должностных обязанностей, выступающее формой бездействия в составе халатности, будет представлять собой поступок должностного лица, заключающийся в несовершении активных действий, которые лицо обязано было совершить.

Особый интерес в рамках науки уголовного права представляет классификация уровней деяния по сложности человеческого поведения, предложенная В.Н. Кудрявцевым.

1. Самый нижний уровень – телодвижение. Удар молотком по гвоздю, перелистывание страниц книги – все это движения, направленные на реализацию тех или иных целей.

2. Вторым уровнем является действие – серия телодвижений, направленных на один объект. Так, если удар молотком по гвоздю – телодвижение, то действием будет забивание гвоздя.

3. Третьим уровнем выступает операция, которая состоит из комплекса действий, ориентированных на решение определенной задачи.

¹ См.: Кудрявцев В.Н. Право и поведение. С. 9; Дурманов Н.Д. Понятие преступления. С. 54.

² Ковалев М.И. Понятие преступления в советском уголовном праве. С. 21.

4. Совокупность действий, операций, направленных к единой цели, образует деятельность¹.

Выделенные уровни преступного поведения могут сменять друг друга в процессе совершения деяния (например, действия могут перерасти в операции и т.д.), однако при конструировании состава преступления законодатель должен закрепить только один из уровней, характерный для определенного деяния.

Большинство составов преступлений, содержащихся в Особенной части УК РФ, характеризуются таким уровнем преступного поведения, как действие, т.е. состоят из нескольких телодвижений. Применяется также и уровень операции, однако он характерен только для тех преступлений, которые имеют более сложную структуру. По нашему мнению, операция отличается от действий по количественному признаку и имеет место в двух случаях: если деяние имеет сложный характер и состоит из нескольких действий, либо когда для совершения деяния необходима система действий (например, систематичность, неоднократность).

Деятельность же характеризуется системой операций, направленных к единой цели, и в основном свойственна только организованным проявлениям преступного поведения.

Анализ УК РФ позволяет распределить преступления по уровням преступного поведения.

Наряду с понятиями «телодвижение», «действие», «операция», по мнению В.Н. Кудрявцева, существует еще одно понятие – поступок. Это социальная характеристика уже перечисленных уровней при условии, что они имеют общественную значимость. Этот термин относится к таким актам поведения, которые приобрели положительную или отрицательную социальную (в т.ч. правовую) оценку². Соответственно, преступление, совершенное лицом, будет считаться поступком.

¹ Кудрявцев В.Н. Закон, поступок, ответственность. М., 1986. С. 134-135. В общих чертах уровни поведения выделяются и другими учеными. Так, Г.В. Тимейко указывает, что «в большинстве случаев преступное действие носит сложный характер, так как складывается из ряда актов». См.: Тимейко Г.В. Общее учение об объективной стороне преступления. Ростов н/Д., 1977. С. 39. Накладывая данное утверждение на уровни поведения, предложенные В.Н. Кудрявцевым, можно сделать вывод, что автор речь ведет уже не о действии, а об операции.

² Кудрявцев В.Н. Закон, поступок, ответственность. С. 135.

Таблица 1

**Уровни преступного поведения в составах преступлений,
закрепленных в Особенной части УК РФ**

Составы преступлений, закрепленные в Особен- ной части УК РФ	Телодви- жения	Действия	Опера- ция	Деятель- ность
Преступления против жизни		ст. 105-109 УК РФ	ст. 110	
Преступления против здоровья		ст. 111-115, 118-119, 121- 123 УК РФ	ст. 116- 117, 120 УК РФ	
Преступления против свободы, чести и достоинства		ст. 127.1-128.1 УК РФ	ст. 126- 127 УК РФ	
Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности		ст. 133-135 УК РФ	ст. 131- 132 УК РФ	
Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина		ст. 136-142.1, 144-149 УК РФ		
Преступления против семьи и несовершеннолетних		ст. 150, 153- 155, 157 УК РФ	ст. 151- 151.1, 156 УК РФ	
Преступления против собственности		ст. 158-162, 164-168 УК РФ	ст. 158.1, 163 УК РФ	
Преступления в сфере экономической деятельности		ст. 169-174, 175, 177-179, 181, 184-187, 189, 191-191.1, 193.1, 195-196, 199.2, 200.1 УК РФ	ст. 174.1, 176, 180, 183 УК РФ	
Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях		ст. 201-204 УК РФ		

Преступления против общественной безопасности		ст. 205-205.2, 206-207, 211, 214-215.3, 217.2, 220-227 УК РФ	ст. 205.3, 212.1, 213 УК РФ	ст. 205.4-205.5, 208-210, 212 УК РФ
Преступления против здоровья населения и общественной нравственности		ст. 228-231, 233-235.1, 237-238.1, 240-240.1, 242-245 УК РФ		ст. 232, 239, 241 УК РФ
Экологические преступления		ст. 246-262 УК РФ		
Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта		ст. 263-264, 266-269, 271-271.1 УК РФ	ст. 264.1 УК РФ	
Преступления в сфере компьютерной информации		ст. 272-274 УК РФ		
Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства		ст. 275-278, 280-282, 282.3-284 УК РФ		ст. 279, 282.1-282.2 УК РФ
Преступления против государственной службы		ст. 285-286, 287-293 УК РФ		
Преступления против правосудия		ст. 294-316 УК РФ		
Преступления против порядка управления		ст. 317-322, 322.2-330 УК РФ		
Преступления против военной службы		ст. 333-352 УК РФ		
Преступления против мира и безопасности человечества		ст. 354-360 УК РФ	ст. 353 УК РФ	

2. Причиняет вред или создает угрозу причинения вреда, т.е. представляет общественную опасность.

Понятие общественной опасности является ключевым в теории уголовного права и означает, что деяние опасно для общества и государства потому, что нарушает существующий в государстве правопорядок¹.

Как указывает М.И. Ковалев, «качество общественной опасности должно быть присуще действию или бездействию субъекта до того, как законодатель объявил его преступным»². Из данного утверждения следует два важных вывода. Во-первых, именно поэтому общественная опасность присуща не только преступлениям, но и иным правонарушениям³. Во-вторых, общественная опасность является главным критерием, благодаря которому из всей массы человеческих поступков выделяются те, которые становятся преступлениями.

В большинстве научных работ общественная опасность понимается как «свойство *деяния* принести существенный ущерб общественным отношениям»⁴ (выделено нами. – О.Е.).

Так, М.И. Ковалев выделяет два понятия общественной опасности: социально-философское и юридическое. «Фундаментом общественной опасности является ущерб, причиненный *действием* общественному отношению, либо опасность такого ущерба, *созданная действием*»⁵ (выделено нами. – О.Е.). Продолжая ход рассуждений процитированного автора, можно отметить, что общественная опасность заключается в способности деяния причинить вред тем общественным отношениям, которые составляют социальные ценности для данного

¹ См.: Герцензон А.А. Понятие преступления в советском уголовном праве. М., 1955. С. 35; Прохоров В.С. Преступление и ответственность. Л., 1984. С. 5.

² Ковалев М.И. Понятие преступления в советском уголовном праве. С. 51.

³ Долгое время вопрос об общественной опасности правонарушений был дискуссионным. В частности, Н.Д. Дурманов считает, что незначительные нарушения преследуются в административном и дисциплинарном порядке, и поэтому их нельзя считать общественно опасными. См.: Дурманов Н.Д. Понятие преступления. Аналогичного мнения придерживается А.И. Марцев (см.: Марцев А.И. Вопросы учения о преступлении и ответственности (избранные статьи). С. 36); Г.В. Тимейко (см. Общее учение об объективной стороне преступления. С. 161). Однако и административные правонарушения, и дисциплинарные проступки объявляются таковыми и регулируются государством путем применения мер наказания именно потому, что они представляют определенную опасность для общества.

⁴ Тимейко Г.В. Общее учение об объективной стороне преступления. С. 162.

⁵ Ковалев М.И. Понятие преступления в советском уголовном праве. С. 66.

общества. Как только в обществе отношение к социальным ценностям изменяется, это отражается на общественной опасности деяния.

Противоположная позиция, не связывающая общественную опасность с характеристикой деяния, представлена в «Энциклопедии уголовного права». «Общественная опасность есть свойство деятельного субъекта. Отделить ее от индивида так же невозможно, как болезнь от живого организма»¹. Представляется, что указанная позиция искусственно разрывает деяние и деятеля. Вместе с тем только их неразрывное единство, заключающееся в выполнении конкретным субъектом деяния, причиняющего вред либо создающего реальную угрозу такого вреда, объясняет феномен общественной опасности.

Таким образом, в юридической литературе уже не одно десятилетие остается спорным вопрос: от каких признаков зависит общественная опасность деяния?

Решение этого вопроса представляется чрезвычайно важным именно для криминализации еще не преступного поведения и конструирования состава преступления, в котором необходимо отразить общественную опасность. Кроме того, от определения общественной опасности зависит и санкция статьи, а соответственно, и тяжесть совершенного преступления.

Т.В. Церетели определяла зависимость общественной опасности только от объективных признаков, указывая, что «общественная опасность всегда остается объективной величиной, которая одинаково независима от личных возможностей конкретного деятеля»².

Влияние деяния³ на общественную опасность неоспоримо, поскольку реальный вред причиняется как раз совершением действия либо, наоборот, несовершением такового.

Причиненный деянием вред (последствия совершения деяния) также отражает общественную опасность. Поэтому можно сделать однозначный вывод, что само деяние и наступившие после его совершения последствия определяют общественную опасность.

Но не все так однозначно с объектом преступления, т.е. с теми общественными отношениями, на которые посягает деяние.

¹ Энциклопедия уголовного права. Т. 3. Понятие преступления. СПб., 2005. С. 31.

² Цит. по: Ковалев М.И. Понятие преступления в советском уголовном праве. С. 67.

³ В этом контексте имеется в виду узкое значение деяния как действия или бездействия.

Так, М.И. Ковалев утверждает, что общественная опасность «не может быть заключена в объекте преступления. Его существенным свойством является общественная полезность, и только поэтому посягательство на него считается опасным»¹. Однако в процитированном высказывании уже показана зависимость между общественными отношениями, на которые происходит посягательство, и общественной опасностью. Эта зависимость проявляется в том, что чем ценнее общественные отношения, чем они значимее для общества, тем выше общественная опасность совершенного на них посягательства².

Вместе с тем ряд объективных признаков влияет на общественную опасность не всегда. Так, например, предмет преступления, по поводу которого происходит посягательство, может не влиять на опасность преступления. Именно такая ситуация имеет место в разбое, при совершении которого вообще не важно, произошло изъятие имущества или же нет. Практически во всех преступлениях безразлична личность потерпевшего, на которого происходит посягательство (кроме случаев, когда личность связана с особенностями объекта преступления), место совершения деяния, время и т.д.

Влияют на общественную опасность и субъективные признаки деяния. Так, большую опасность представляют умышленные преступления, а меньшую – совершаемые по неосторожности. Аналогично существует зависимость общественной опасности и от специального субъекта³. Например, большую общественную опасность представля-

¹ Ковалев М.И. Понятие преступления в советском уголовном праве. С. 67-68.

² Влияние объекта на общественную опасность подчеркивает А.А. Герцензон: «Общественная опасность обуславливается, прежде всего, объектом посягательства». См.: Герцензон А.А. Уголовное право. Часть общая. М., 1948. С. 254.

³ Влияние на общественную опасность формы вины, мотива, цели и особых качеств субъекта отрицается Г.В. Тимейко, полагающим, что «если бы субъективные признаки были бы критериями общественной опасности, то не само общественное опасное деяние, а вина лица выступала бы в качестве основания уголовной ответственности». См.: Тимейко Г.В. Общее учение об объективной стороне преступления. С. 170-171. Однако позволим не согласиться с мнением автора по следующим обстоятельствам. Во-первых, субъективные признаки, наряду с объективными, могут повышать вредоносность преступления (например, гораздо более существенный вред причинит преступление, совершаемое с прямым умыслом, в котором проявляется преступное желание и стремление субъекта, нежели по небрежности, когда лицо вследствие невнимательности вообще не предвидит возможности наступления последствий). Во-вторых, именно по причине повышенной общественной опасности субъективные признаки могут вводиться в квалифицированный состав.

ют действия лиц, ранее судимых, за вновь совершаемые преступления.

Обобщая сказанное, можно сделать следующий вывод: во всех случаях на общественную опасность деяния влияет характер совершаемых действий (бездействия), значимость общественных отношений, на которые посягает деяние, наступившие последствия и форма вины. Жесткая зависимость между остальными объективными и субъективными признаками, присущими деянию, и общественной опасностью существует далеко не всегда. Однако когда такая зависимость имеет место, данный признак необходимо включить в конструкцию состава преступления.

В науке уголовного права традиционным является выделение характера и степени общественной опасности¹.

Содержание характера общественной опасности в научной литературе «определяется совокупностью признаков, образующих соответствующий состав преступления»².

Показывая зависимость характера общественной опасности от признаков состава преступления, Н.Ф. Кузнецова выделяет конкретный их перечень: содержание общественных отношений, на которые посягают преступления, содержание вредных последствий, специфика способа посягательства³, формы вины, характера мотивов и целей преступления»⁴. По нашему мнению, указанный перечень можно до-

¹ См.: Кривошеин П.К. Преступление. Историческое исследование. Киев, 1993. С. 26; Елифанова Е.В. Преступления как правовая категория в науке и законодательстве России: история развития и особенности современного состояния / под ред. В.В. Момотова. М., 2013. С. 259.

² Цит. по: Ковалев М.И. Понятие преступления в советском уголовном праве. С. 115-116.

³ В свою очередь М.П. Карпушин и В.И. Курляндский отмечают, что «от способа совершения преступления зависит степень общественной опасности». См.: Карпушин М.П., Курляндский В.И. Уголовная ответственность и состав преступления. С. 105.

⁴ Цит. по: Ковалев М.И. Понятие преступления в советском уголовном праве. С. 116. Аналогичное мнение высказывает П.К. Кривошеин, отмечающий: «С той или иной степенью конкретности характер преступления обрисован в уголовном законе. Это совокупность специфических свойств, особенностей, черт, свойственных конкретному виду противоправного посягательства. Степень общественной опасности – сравнительная величина, мера зловредности того или иного преступного посягательства». См.: Кривошеин П.К. Преступление. Историческое исследование. С. 26; Елифанова Е.В. Преступление как правовая категория в науке и законодательстве России. С. 259.

полнить и особенностями предмета посягательства (например, оружие, взрывчатые вещества, взрывные устройства), средствами и орудиями совершения преступления и т.д.

Что касается содержания степени общественной опасности, то мнения ученых в этом вопросе разнятся.

Так, И.С. Тишкевич понимает степень опасности как степень личного или группового участия в преступлении¹. Подобная формулировка имеет достаточно размытый характер, в частности, абсолютно не ясно, как определить «степень группового участия» и на что этот показатель будет влиять, если учитывать принцип индивидуализации наказания.

Раскрывая содержание степени общественной опасности, необходимо ориентироваться на количественное выражение (насколько опасно то или иное деяние). Поэтому степень должна определяться сравнительной ценностью объектов, величиной однородных ущербов, степенью вины, степенью низменности мотивов, сравнительной опасностью преступлений в зависимости от специфики места и времени совершения преступления².

Таким образом, приведенные рассуждения показывают, что при конструировании составов учитывается характер общественной опасности деяния, а при установлении санкции за преступление – ее степень.

3. Посягает на охраняемые законом общественные отношения.

Так, В.С. Прохоров отмечает: «Каждое преступное деяние посягает на охраняемые уголовным законом общественные отношения, и именно в силу этого оно объявляется преступным»³.

В.Н. Винокуров, признавая объектом преступного деяния общественные отношения, делает оговорку, что «это только отношения, урегулированные нормами права, – правоотношения»⁴.

¹ Цит. по: Ковалев М.И. Понятие преступления в советском уголовном праве. С. 115-116.

² См.: Ковалев М.И. Понятие преступления в советском уголовном праве. С. 116. Кривошеин П.К. Преступление. Историческое исследование. С. 26; Епифанова Е.В. Преступление как правовая категория в науке и законодательстве России. С. 259.

³ Прохоров В.С. Преступление и ответственность. С. 48.

⁴ Винокуров В.Н. Объект преступления: история развития и проблемы понимания. Красноярск, 2009. С. 59.

Что же представляют собой общественные отношения?¹

Наибольшее исследование данный вопрос получил в советский период, поскольку в то время понимание объекта преступления через категорию общественных отношений признавалось единственно верным².

Так, В.Н. Кудрявцев указывает: «Общественные отношения – это понятие, охватывающее различные формы связей людей. В процессе труда люди вступают в производственные отношения, необходимые для создания материальных благ. Через общественные отношения реализуется обмен и распределение, организация общественной жизни и управление»³. Анализируя указанную позицию через призму понятия преступления, получается, что любое деяние как акт поведения человека, происходящий в общественной жизни, нарушает ее нормальное функционирование путем причинения вреда каким-либо сторонам этой жизни.

При этом связь деяния с объектом преступления двусторонняя. Так, с одной стороны, объект преступления предопределяет содержание деяния. «Поколебать основы общественной безопасности при бандитизме способна лишь устойчивая, вооруженная группа преступников», – пишет В.В. Мальцев⁴. С другой стороны, только совершение деяния нарушает охраняемый объект преступления. Иначе говоря, преступное деяние по отношению к объекту посягательства выступает

¹ Отсутствие четкого ответа на поставленный вопрос выступает в научной литературе критикой в отношении представителей такой теории. Так, А.И. Марцев и Н.В. Вишнякова пишут: «Признавая в качестве объекта преступления общественные отношения, большинство ученых, работавших над данной проблемой, мало уделяли внимания определению понятия этих самых отношений». См.: Марцев А.И., Вишнякова Н.В. Развитие учения об объекте преступления. Омск, 2002. С. 29.

² Следует отметить, что в настоящее время теория «общественных отношений» все чаще подвергается критике, и взамен выдвигаются новые теории, такие как «благо», «интерес» и т.д. См.: Уголовное право России / под ред. А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова. М., 1998. С. 104; Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. М., 1996. С. 147. Однако указанные теории не учитывают социальное свойство преступления причинять вред именно обществу и конкретным отношениям, существующим в нем.

³ Кудрявцев В.Н. Право и поведение. С. 58.

⁴ Мальцев В.В. Проблема уголовно-правовой оценки общественно опасных последствий. Саратов, 1989. С. 11.

«активным (причиняющим) фактором, ибо ущемляет, изменяет, нарушает, разрушает общественные отношения»¹.

4. Представляет собой акт социальной действительности. Социальный характер деяния проявляется в том, что оно существует только в рамках общества, причиняет последнему вред и меняется в зависимости от изменений в жизни общества.

Как верно указывает В.Н. Кудрявцев, «социальное содержание любого действия может быть правильно раскрыто только при рассмотрении его в конкретных условиях места, времени и окружающей обстановки»².

5. Деяние приобретает статус преступления только после его закрепления в уголовном законе под угрозой наказания.

В науке уголовного права данный признак получил название уголовной противоправности, которое означает, что деяния, являющиеся преступными, должны быть закреплены в уголовном кодексе. При этом только противоправность предполагает «официальное признание государством общественной опасности соответствующего поступка»³.

Следует отметить, что деяние, помимо уголовного права, может быть запрещено еще и другой отраслью права. Например, нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств регламентируется не только в уголовном праве, но и в административном. Противоправность будет иметь место также в том случае, если в других отраслях права такой поступок не регулируется, а в уголовном праве он запрещен (например, умышленное причинение вреда здоровью).

В науке уголовного права проводятся исследования, направленные на выявление соотношения общественной опасности и уголовной противоправности. Так, В.М. Коган выделяет четыре варианта такого соотношения: 1) все, что общественно опасно, запрещено уголовным законом, и наоборот; 2) все, что общественно опасно, запрещено уголовным законом, но не все, что запрещено уголовным законом, общественно опасно; 3) не все, что общественно опасно, запрещено уголовным законом, но все, что запрещено уголовным законом, общественно опасно; 4) не все, что общественно опасно, запрещено уго-

¹ Мальцев В.В. Проблема уголовно-правовой оценки общественно опасных последствий. С. 11.

² Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. М., 1960. С. 68.

³ Ковалев М.И. Понятие преступления в советском уголовном праве. С. 78.

ловным законом, и не все, что запрещено уголовным законом, общественно опасно¹.

Не оспаривая возможность существования любого из указанных вариантов, действующее уголовное законодательство характеризуется только одной формулой соотношения общественной опасности и противоправности, а именно: не все, что общественно опасно, запрещено уголовным законом, но все, что запрещено уголовным законом, общественно опасно. Такая формула, с одной стороны, допускает изменчивость уголовного закона в соответствии с реалиями общественной жизни, с другой стороны, провозглашает главный признак преступления – его общественную опасность.

В научной литературе выделяются и другие признаки деяния, которые по своему содержанию можно отнести к числу объективных. Так, Г.В. Тимейко выделяет такой признак деяния, как его конкретность, означающий, что деяние всегда выражается в конкретных действиях или бездействии². Очевидно, что признак конкретности, по сути, является аналогом уже существующего признака проявления деяния в форме действия (бездействия) и не выступает в качестве самостоятельного.

Среди субъективных признаков следует выделить:

1. Совершается лицом, которое в силу возраста и психического состояния способно осознавать характер своих действий и руководить ими (т.е. происходит под контролем сознания и воли).

Как верно указывает М.И. Ковалев, «осознанность преступного деяния и волевой контроль, благодаря которому это деяние совершается, – не однозначные понятия. Осознанность поведения может быть довольно поверхностной, а воля к его совершению весьма ослабленной привходящими факторами, повлиявшими на психику виновного»³.

Н.Д. Дурманов, разъясняя понятие осознанности, пишет: «...Поступок может считаться сознательно совершенным тогда, когда он имел возможность выбора решения его осуществления»⁴.

¹ См.: Коган В.М. Социальный механизм уголовно-правового воздействия. М., 1983. С. 76.

² См.: Тимейко Г.В. Общее учение об объективной стороне преступления. С. 34-35.

³ Ковалев М.И. Понятие преступления в советском уголовном праве. С. 27.

⁴ Дурманов Н.Д. Понятие преступления. С. 52.

Теория сознания и воли человеческого поступка вызывает вопросы относительно такой формы деяния, как бездействие, при которой лицо может как осознавать факт неисполнения обязательных для него действий (например, лицо умышленно не исполняет приказ, не желая обременять себя обязанностями), так и не осознавать наличие неисполнения (например, лицо не уплачивает налоги, поскольку не осведомлено о необходимости их уплаты). Думается, во втором случае также имеет место отдаленное осознание, поскольку, имея обязанность совершать определенные действия, лицо, пусть даже отдаленно, понимает характер ее невыполнения. В том же случае, если при бездействии лицо вообще не осознает неисполнение им действий и по обстоятельствам дела не могло это осознавать, то уголовная ответственность не наступает (например, лицо не исполняет обязанности, поскольку не осведомлено об их существовании).

Представленные выводы можно предложить в виде схемы.

Вариант А: Действие – осознание полное.

Вариант Б: Бездействие – осознание полное.

Вариант В: Бездействие – осознание отдаленное.

Вариант Г: Бездействие – отсутствие осознания.

При наличии вариантов А-В уголовная ответственность наступает на общих основаниях и только последнее сочетание бездействия с отсутствием осознания не влечет ответственность.

В психологической науке А.Н. Леонтьев выделял три разновидности осознанности:

1) актуально сознаваемое (т.е. то, что субъект понимает в момент совершения поступка);

2) находящееся под потенциальным контролем сознания. Разъясняя данную разновидность осознанности, В.Н. Кудрявцев отмечал: «Бессознательный элемент имеет правовое значение только в тех случаях и в тех пределах, в каких он поддается возможному контролю со стороны сознания и воли лица, т.е. может быть потенциально осознанным»¹;

3) неконтролируемое сознание².

Применяя данные психологии к предложенной схеме, можно отметить, что в варианте А и Б имеет место актуальная осознанность, в

¹ Кудрявцев В.Н. Закон, поступок, ответственность. С. 146-147.

² Там же. С. 147.

варианте В – потенциальная осознанность, в варианте Г – неконтролируемое сознание¹.

2. Выражает внутренние желания человека, направленные на достижение осознаваемой цели.

На важность выделения субъективных признаков указывает В.Н. Кудрявцев: «Если внешняя сторона выражается в форме действия (или в форме бездействия), то внутренняя, субъективная сторона не только сопровождает это действие (бездействие), являясь его психологическим регулятором и отображением в сознании, но и, что важно отметить, предшествует ему»².

Однако нельзя преувеличивать значение субъективных признаков, поскольку, как верно отмечает М.И. Ковалев, «сама по себе внутренняя, субъективная сторона поведения – помыслы, настроения, умозаключения, убеждения и т.п. – не может быть преступлением»³. Соответственно, следует говорить о неразрывном единстве, взаимообусловленности и взаимозависимости объективных и субъективных признаков общественно опасного деяния.

Представленная характеристика общественно опасного деяния демонстрирует, что его содержание гораздо шире понятия преступления, поскольку преступлением может признаваться только такое общественно опасное деяние лица, отражающее определенное поведение человека, которое закреплено законодателем в Уголовном кодексе Российской Федерации.

По этому поводу А.Н. Павлухин указывает: «...При возникновении необходимости наложения правового запрета на отдельный вид вредоносного поведения законодатель описывает его в норме уголовного закона посредством указания существенных признаков, которые позволяют отличать подобное поведение от всех иных посягательств»⁴.

¹ В связи с этим нельзя согласиться с мнением В.Л. Чубарева: «Всякое человеческое произвольное действие сознательно управляемо, а любая сознательная деятельность предполагает осуществление определенной программы», поскольку существует деятельность, которая находится вне сознания человека. См.: Чубарев В.Л. Общественная опасность преступления и наказание (количественные методы изучения). М., 1982. С. 7.

² Кудрявцев В.Н. Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования: учебное пособие. М., 1998. С. 16-17.

³ Ковалев М.И. Понятие преступления в советском уголовном праве. С. 23.

⁴ Павлухин А.Н. Общественно опасное поведение ... С. 15.

Схожего мнения придерживается Ю.Е. Пудовочкин, отмечающий: «Признак состава преступления представляет собой видовой признак преступлений определенной группы, отобранный в процессе криминализации общественно опасного деяния и зафиксированный в законе. Это наиболее существенный, отличительный признак преступлений определенного вида, свойственный всем посягательствам этого вида»¹.

Следует отметить, что путь от фактически совершенного деяния до облачения его в оболочку статьи уголовного кодекса сложный и разнообразный. Так, на основе факторов криминализации доказывається необходимость возведения такого поведения в ранг преступлений, конструируется состав преступления, который в конечном итоге описывается в диспозиции статьи Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации. Указанный процесс можно представить в виде схемы.

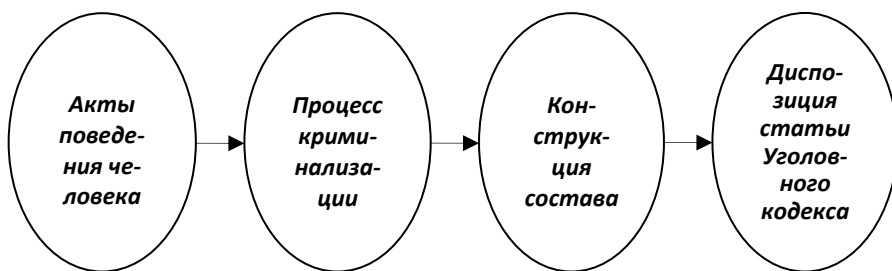

Схема 1

Трансформация общественно опасного деяния в состав преступления, а также дальнейшее его закрепление в диспозиции статьи Особенной части актуализирует проблему соотношения обозначенных понятий.

Состав преступления представляет собой модель, которая отображает отобранные путем криминализации признаки деяний определенного вида².

¹ См.: Пудовочкин Ю.Е. Учение о составе преступления. М., 2009. С. 10.

² При этом в состав преступления включаются не любые признаки, а, как верно указывает Л.Л. Кругликов, «совокупность необходимых и достаточных признаков для признания поведения преступным». См.: Кругликов Л.Л., Спиридонов О.Е. Юридические конструкции и символы в уголовном праве. СПб., 2005. С. 67.

Как верно указывает А.П. Павлухин, «посредством состава преступления в уголовном законе закрепляются наиболее опасные виды антиобщественного поведения, поэтому он всегда конкретнее по содержанию, а число предусмотренных им признаков не всегда может соответствовать количеству элементов структуры общественно опасного поведения»¹. Безусловно, каждое общественно опасное деяние, даже одного вида деятельности, обладает своей спецификой, однако при осуществлении конструирования состава преступления законодатель отбирает наиболее важные, существенные признаки, характерные для определенной разновидности деяний, поэтому каждый признак состава преступления должен отражать особенности совершения деяния такого вида².

Л.Л. Кругликов, рассуждая об отборе признаков состава преступления, отмечает: «...Всякий признак состава преступления есть одновременно и признак преступления, однако не всякий признак преступления обретает статус признака состава. Признаком состава следовало бы считать лишь такой признак преступления, который соответствует совокупности следующих требований: а) он вместе с другими признаками определяет общественную опасность, противоправность, виновность и наказуемость деяния; б) выражает его отличие от других преступлений и правонарушений; в) прямо указан в законе или однозначно вытекает из него при толковании; г) не является производным от других признаков; д) присущ всем преступлениям данного вида»³.

Приведенные умозаключения позволяют сделать вывод, что понятие «деяние» как акт человеческого поведения является более широким, нежели состав преступления.

¹ Павлухин А.Н. Общественно опасное поведение ... С. 42.

² На необходимость уяснения признака «типичности» поведения при регулировании его уголовно-правовыми средствами также указывает Ю.В. Грачева. См.: Судейское усмотрение в применении уголовно-правовых норм: проблемы и пути их разрешения / отв. ред. А.И. Чучаев. М., 2011. С. 45.

³ Кругликов Л.Л., Спиридонов О.Е. Юридические конструкции и символы ... С. 68-69. В целом соглашаясь с представленным утверждением, считаем недостаточно обоснованным выделение такого требования к признаку состава преступления, как «прямо указан в законе или однозначно вытекает из него при толковании». Все дело в том, что конструирование состава преступления – это процесс первичный по отношению к закреплению состава преступления в законе. Именно поэтому признаки состава вначале отбираются, создается юридическая конструкция, которая в дальнейшем отражается в уголовном законе с учетом правил законодательной техники.

Рассматривая вопрос о соотношении общественно опасного деяния и состава преступления, нельзя не обратить внимания, что нами описан процесс трансформации деяния в конструкцию состава преступления определенного вида¹. Вместе с тем существующая теория состава преступления содержит также понятие общего состава². Возникает вопрос: какие особенности совершения деяний составили основу такой конструкции?

На первый взгляд, ответ на поставленный вопрос достаточно прост и кроется в обязательных и факультативных признаках общего состава преступления³. Иначе говоря, те признаки, которые проявляются в любом деянии, без которых описание преступления невозможно, относятся к числу обязательных. Если же признак проявляется в отдельном деянии и не характерен для остальных случаев, то он – факультативный.

Однако думается, отбор обязательных и факультативных признаков состава преступления находится в неразрывной связи с понятием общественной опасности – ключевым признаком преступления. В частности, в качестве обязательных признаются только те признаки, которые способны повлиять на причинение вреда (т.е. повышают вредоносность деяния). Именно этим обстоятельством можно объяснить включение в качестве обязательного признака состава преступления вины, формы которой напрямую влияют на общественную опасность.

В свою очередь, признаки состава преступления не являются идентичными диспозиции статьи Особенной части, поскольку последняя отражает далеко не все обязательные признаки состава преступления⁴.

«Было бы глубоким заблуждением, – писал А.Н. Трайнин, – всегда во всех случаях рассматривать диспозицию как единственный источ-

¹ В научной литературе такой состав называется конкретным. См.: Прохоров В.С., Кропачев Н.М., Тарбагаев А.Н. Механизм уголовно-правового регулирования: норма, правоотношение, ответственность. Красноярск, 1989. С. 111.

² Это совокупность объективных и субъективных признаков, характеризующих деяние в качестве преступления, независимо от вида.

³ Обязательными признаются те признаки, которые присущи всем деяниям, а факультативные – лишь отдельным видам деяний.

⁴ С данным утверждением не согласен С.А. Маркунцов, который утверждает: «Запрет выражен в диспозиции и по своим признакам идентичен составу преступления». См.: Пудовочкин Ю.Е. Учение об основах уголовного права. М., 2012. С. 137. Однако даже поверхностный анализ уголовного закона показывает ошибочность этого вывода. Так, например, диспозиция статьи вообще не содержит указания на объект преступления.

ник распознавания состава, порой нужна тщательная аналитическая работа, чтобы из текста диспозиции построить предусмотренный законом состав преступления»¹.

Вместе с тем нельзя отрицать, что «ядром диспозиции нормы уголовного права является предусмотренный в ней состав преступления»². При этом, рассматривая четырехэлементное деление состава преступления на объект, объективную сторону, субъект и субъективную сторону и соотнося данные элементы с диспозициями статей Особенной части, можно сделать вывод, что во всех случаях законодатель описывает лишь признаки объективной стороны, а именно общественно опасного деяния, остальные же элементы состава преступления оказываются представлены лишь в отдельных диспозициях.

Проведенные рассуждения позволяют сделать вывод, что наиболее общим выступает понятие «общественно опасное деяние», заключающееся в определенном поведении лица. Какая-то часть таких деяний после процесса криминализации перейдет в новое качество — «преступления», в результате чего произойдет конструирование состава преступления и отбор из всех признаков, присущих совершенным деяниям, наиболее типичных, отражающих общественную опасность. Соответственно, понятие «состав преступления» является еще более узким по сравнению с понятиями «общественно опасное деяние» и «преступление». Закрепляя же в законе признаки состава преступления, законодатель из всего количества отберет наиболее значимые и опишет их в диспозиции статьи Особенной части, поэтому самым узким набором признаков будет характеризоваться именно диспозиция статьи.

По справедливому утверждению Я.М. Брайнина, «между диспозицией уголовного закона или статьи и предусматриваемым ею составом преступления имеется определенная зависимость. Форма и содержание диспозиции определяются предусматриваемым ею составом преступления, а не наоборот. Задача диспозиции заключается в том,

¹ Трайнин А.Н. Избранные труды. СПб., 2004. С. 202. Заметим, что указанное утверждение нельзя понимать в смысле первичности диспозиции по отношению к составу преступления. Автор лишь подчеркивает ограниченность описания признаков состава преступления в диспозиции статьи. Для полного уяснения всех признаков состава необходимо проанализировать и другие институты Общей части уголовного права.

² Филимонов В.Д. Норма уголовного права. СПб., 2004. С. 91.

чтобы наилучшим образом выразить содержание состава преступления»¹.

Руководствуясь представленным соотношением понятий «деяние», «преступление», «состав преступления», «диспозиция уголовно-правовой нормы», можно проследить процесс трансформации деяния в диспозицию статьи. Так, из всех поступков человека законодатель отбирает наиболее общественно опасные, требующие регулирования именно нормами уголовного права. Изучая особенности таких деяний и выделяя наиболее значимые признаки, он конструирует состав преступления, который в конечном итоге описывается в диспозиции статьи уголовного закона. Только после прохождения данной процедуры общественно опасное деяние становится преступлением.

Соответственно, первичной задачей является изучение самого деяния, представляющего определенную форму поведения человека.

При этом, помимо представленной нами сущностной характеристики деяния, раскрывающей его черты и признаки в статике, необходимо принимать во внимание, что любой человеческий поступок есть процесс, развертывающийся во времени и пространстве, состоящий из определенных этапов, образующих его внутреннее строение, поэтому каждое деяние обладает механизмом своего совершения². Только благодаря понятию механизма совершения деяния прослеживается динамическая характеристика преступного процесса, которая в совокупности с сущностной характеристикой позволяет осуществить комплексное познание деяния.

Понятие механизма преступного деяния нельзя назвать общепринятым, поскольку в научной литературе оно используется лишь в отдельных источниках³. При этом наиболее часто оно упоминается в криминологической литературе (правда, называется различными терминами, например, «механизм преступного поведения»⁴, «механизм

¹ Брайнин Я.М. Уголовный закон и его применение. М., 1967. С. 55.

² Лексическое значение термина «механизм» – «внутреннее строение чего-либо». См.: Новый толковый словообразовательный словарь русского языка / под ред. Т.Ф. Ефремовой.

³ Например, В.Н. Кудрявцев указывал на механизм общественно опасного посягательства (см.: Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. С. 8).

⁴ См.: Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Криминология. Общая часть. Красноярск, 1997. С. 191; Криминология / под ред. А.И. Долговой. М., 2010. С. 71; Криминология / под ред. С.Я. Лебедева, М.А. Кочубей. М., 2007. С. 123; Криминология и профилактика преступлений / под ред. А.И. Алексеева. М., 1989. С. 118.

преступления»¹, «механизм преступной деятельности»²) при рассмотрении причинного комплекса совершения преступления, а также в криминалистике.

В самом общем виде под механизмом преступного деяния (поведения) понимается переработка личностью воздействий внешней среды на основе социальной и генетической информации, формирование отношения к деятельности и деятельность, определяемая психологическими процессами и воспрещенная уголовным законом³.

Более конкретное понятие предложено в криминологической науке В.Н. Кудрявцевым: «Это связь и взаимодействие внешних факторов объективной действительности и внутренних, психических процессов и состояний, детерминирующих решение совершить преступление, направляющих и контролирующих его исполнение»⁴.

При разработке понятия механизма преступного деяния, не оспаривая предложенных формулировок, считаем необходимым основываться на лингвистическом значении данного термина, означающем внутреннее строение⁵.

С этой точки зрения механизм совершения деяния представляет собой внутреннюю структуру деяния, состоящую из определенных элементов (составных частей). Все составные части механизма находятся в неразрывном единстве, образуя определенную целостность.

Характеристика механизма совершения деяния как целого, объединяющего в своем содержании совокупность частей, позволяет признать механизм совершения деяния системой⁶.

¹ См.: Кудрявцев В.Н. Механизм преступного поведения. С. 30; Криминология / под ред. В.Н. Бурлакова. СПб., 2013. С. 74.

² См.: Клейменов М.П. Криминология. М., 2009. С. 109.

³ Кудрявцев В.Н. Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования. С. 32, 109.

⁴ Кудрявцев В.Н. Механизм преступного поведения. С. 30. Аналогичное определение, только в более емком словесном выражении, представлено Л.М. Прокументовым и А.В. Шеслером: «Взаимосвязь свойств личности и конкретной жизненной ситуации, детерминирующей преступление, представляет собой механизм преступного поведения». См.: Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Криминология. Общая часть. С. 191.

⁵ Новый толковый словообразовательный словарь русского языка / под ред. Т.Ф. Ефремовой.

⁶ Данный вывод основывается на философском понимании системы как множества элементов, находящихся в соотношениях и связях друг с другом и образующих определенную целостность, единство. См.: Философский энциклопедический словарь. М., 1983.

Однако было бы неверным ограничивать представление о механизме исключительно совокупностью его внутренних элементов. Механизм предполагает определенную цепочку, в которой разворачиваются объективные и субъективные признаки общественно опасного поведения¹.

Так, можно согласиться с В.Н. Кудрявцевым, что «механизм можно представить как совокупность блоков, элементов, следующих один за другим»². Учитывая, что звенья, составляющие содержание механизма, следуют в определенной последовательности, механизм преступного деяния всегда иллюстрирует процесс его выполнения³.

Понятия «преступление» и «механизм преступного деяния» соотносятся между собой как форма и содержание, поскольку каждое преступление имеет внутреннее строение, именуемое механизмом его совершения. При этом если понятие преступления является статическим (иначе говоря, с неизменным набором признаков), то механизм совершения деяния – понятие динамическое, зависящее от каждой конкретной ситуации.

Интересную позицию относительно понятия механизма преступного деяния предлагает В.Н. Кудрявцев, который полагает, что объективная сторона преступления и есть механизм общественно опасного и противоправного посягательства. Однако думается, что подобная трактовка чрезмерно упрощает понятие механизма, поскольку если проанализировать предложенное автором понятие объективной стороны как процесса, который начинается с преступного действия (бездействия) субъекта и заканчивается наступлением преступного результата⁴, то становится очевидным, что часть процесса совершения деяния, находящаяся до его непосредственного исполнения, остается за рамками механизма. Соответственно, по нашему мнению, понятие механизма обладает более широким содержанием, охватывающим не только само совершение деяния, но и предшествующую деятельность.

Таким образом, механизм преступного деяния представляет собой внутренне согласованную систему элементов, соответствующих определенным этапам развития преступного деяния. Элементы механизма совершения деяния составляют его содержание. Совокупность

¹ См.: Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. С. 11.

² Кудрявцев В.Н. Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования. С. 19.

³ Содержание механизма представлено в § 1.2.

⁴ См.: Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. С. 9.

указанных элементов может меняться в зависимости от особенностей совершения того или иного деяния. Именно поэтому механизм преступного деяния можно рассматривать в двух аспектах: как явление объективной действительности и как правовое понятие.

С точки зрения первого аспекта можно утверждать, что каждое деяние обладает собственным механизмом совершения с присущими ему исключительными особенностями.

Механизм совершения деяния, как правовое понятие, представляет собой юридическую оболочку механизмов, существующих в объективной действительности.

Правовое понятие механизма, всегда основываясь на механизмах совершения конкретных деяний, включает в себя обобщенные признаки последних.

Однако уровень обобщения данных конкретных механизмов может быть различным (начиная от определенных видов преступлений и заканчивая общей характеристикой, иллюстрирующей процесс совершения любого деяния). Именно поэтому в зависимости от того уровня, с точки зрения которого обобщаются данные конкретных механизмов, следует выделять общий механизм совершения деяния и механизм совершения деяния определенного вида (видовой)¹.

Учитывая, что предназначение общего механизма заключается в иллюстрации процесса совершения преступления, его содержание включает в себя максимально возможные признаки всех конкретных механизмов. Видовой же механизм включает в себя не все, а только типичные признаки, свойственные определенному виду деяний.

Указанные механизмы соотносятся между собой как целое и его часть. В качестве целого выступает общий механизм преступного деяния. Более узким понятием, в него входящим, выступает механизм преступлений конкретного вида. Наконец, наименьшим по объему понятием, составляющим часть как первого, так и второго механизма, следует считать механизм конкретного преступления.

Представленные рассуждения можно проиллюстрировать схемой.

Значение выделенных механизмов совершения деяния проявляется в следующем:

1. Механизм конкретного преступления показывает взаимосвязь между отдельным человеческим поступком и последующими изменениями в окружающей действительности, демонстрируя процесс осу-

¹ Их можно именовать общим и видовым механизмом.

ществления отрицательного воздействия на общественные отношения и причинения последним вреда. В свою очередь, общий механизм представляет собой обобщенную модель процесса совершения деяния.

2. На основе механизма преступного деяния должен осуществляться процесс криминализации. Это связано с тем, что преступным объявляется не конкретный акт человека, а модель того или иного поведения, формирование которой основывается на особенностях конкретного механизма совершения деяния¹.

Соотношение механизмов преступного деяния

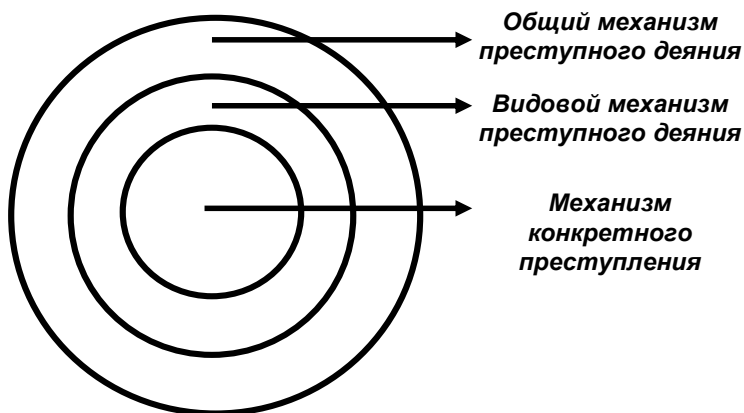

Схема 2

3. Механизм преступного деяния является основой конструирования составов преступлений, поскольку именно особенности механизма позволяют осуществить отбор обязательных признаков состава преступления.

¹ При рассмотрении категории общественной опасности об учете «усредненной» модели поведения говорила Н.Ф. Кузнецова: «Каждое преступление сформулировано в законе с учетом средней, обобщенной степени общественной опасности». Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. С. 73.

«Задача исследователя в области уголовного права состоит, в частности, в том, чтобы установить, насколько адекватно отражены в законе в качестве признаков состава преступления элементы реально-го общественно опасного деяния, а в случае их несоответствия – сделать предложения по совершенствованию уголовного законодательства», – пишет В.Д. Филимонов¹.

При этом связь механизма преступного деяния с признаками состава преступления является двусторонней, т.е. все обязательные признаки состава преступления, безусловно, входят в содержание механизма преступного деяния и, наоборот, только признаки, отраженные в механизме того или иного вида деяний, именно для этой группы могут выступать в качестве обязательных.

4. Механизм преступного деяния важен не только для выделения обязательных признаков состава преступления, но и для выбора разновидности конструкции состава и регламентации момента окончания преступления. Такое влияние механизма на вид конструкции состава объясняется тем, что именно механизм преступного деяния отражает процесс совершения преступления, без знания которого невозможно обоснованно закрепить юридический момент окончания преступления, наступление которого позволяет признать преступление оконченным.

¹ Филимонов В.Д. Норма уголовного права. С. 92.

§ 1.2. Содержание механизма преступного деяния

Внутреннее строение механизма преступного деяния, его содержание представляет собой совокупность определенных элементов.

В научной литературе вопрос относительно содержания механизма преступного деяния фактически не затрагивается. Отдельные исследования посвящены только содержанию общественно опасного поведения.

Так, Ю.А. Демидов предлагает содержание поведения складывать из общественной опасности деяния (действия или бездействия), общественной опасности последствий этого деяния и общественной опасности личности виновного¹. Аналогичные составляющие трехчленной структуры поведения выделял и В.В. Мальцев².

Иной точки зрения, как с количественной стороны выделения структурных составляющих поведения, так и с качественной придерживается Б.С. Никифоров, выделяющий четырехчленную структуру, состоящую из нарушения упорядоченности системы общественных отношений и социально-технологического порядка; нарушения индивидуально-психологического порядка, заключающегося в том, что преступление вызывает у окружающих тревогу, беспокойство; отрицательного примера, который подает преступление морально неустойчивым людям; опасности личности преступника³.

Очевидно, что исследования содержания общественно опасного поведения не имеют отношения к содержанию механизма преступного деяния, поскольку не отражают процесс совершения преступления, а лишь фиксируют определенные статические признаки.

С точки зрения динамического подхода к определению содержания механизма преступного деяния наиболее ценными выступают достижения и разработки криминологической науки.

В большинстве научных источников по криминологии в механизме выделяется три основных блока, или звена:

- 1) мотивация преступления;
- 2) планирование преступных действий;

¹ Павлухин А.Н. Общественно опасное поведение ... С. 45.

² Мальцев В.В. Проблема отражения и оценки общественно опасного поведения в уголовном праве: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1993. С. 138.

³ Цит. по: Павлухин А.Н. Общественно опасное поведение ... С. 45.

3) исполнение преступления и наступление общественно опасных последствий¹.

Однако в своей основе представленное в рамках криминологической науки содержание механизма имеет своей целью проанализировать причину совершения преступления, а не само преступное деяние как таковое². Именно поэтому в отдельных источниках первичным звеном механизма совершения деяния предлагается выделять формирование личности с определенной социальной ориентацией³. Не отрицая значимости личных качеств человека в процессе совершения преступления, считаем, что для целей уголовного права больший интерес представляет изучение механизма совершения преступного деяния как внешнего акта общественно опасного и противоправного поведения. Формирование же личности безразлично для признания деяния преступным и самостоятельного включения в механизм совершения деяния не требует⁴.

Принимая во внимание, что уголовно-правовое содержание механизма преступного деяния должно в большей степени раскрывать акт исполнения преступления, считаем нецелесообразным включать в содержание механизма преступного деяния те блоки, которые отдалены от процесса совершения деяния.

Итак, первым звеном механизма выступает мотивация, характеризующая психологические причины совершения деяния.

Формирование преступной мотивации основывается на человеческих потребностях и интересах⁵.

«Интерес – это особая социально-психологическая категория, – пишет С.А. Тарарухин, – материальной основой которой являются

¹ Кудрявцев В.Н. Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования. С. 33. М.П. Клейменов через указанные звенья определяет понятие механизма преступной деятельности. См.: Клейменов М.П. Криминология. С. 109.

² Кудрявцев В.Н. Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования. С. 33.

³ См.: Кудрявцев В.Н. Закон, поступок, ответственность. С. 161; Дубинин Н.П. Генетика, поведение, ответственность. С. 186.

⁴ Аналогично не представляет уголовно-правовой ценности выделение в качестве отдельного звена механизма совершения деяния посткриминального поведения, предлагаемое в криминологической литературе. См.: Криминология / под ред. А.И. Долговой. С. 78.

⁵ В научной литературе потребности и интересы еще называют «теорией ценностей», которая дает методологическую основу для понимания мотивов поступков человека. См.: Ткешелиадзе Г.Т. Судебная практика и уголовный закон. Тбилиси, 1975. С. 46.

потребности людей»¹. Соответственно, интерес представляет собой объективно-субъективную категорию, отражающую внутренние желания лица, но формирующуюся под влиянием общества. Взаимосвязь интересов и потребностей предопределяет необходимость привлечения психологической науки для раскрытия указанных понятий.

Как указывает В.Н. Кудрявцев, потребности можно классифицировать на несколько уровней: «На нижнем уровне – элементарные биологические (органические потребности): самосохранения, размножения и т.д. В процессе развития этот уровень поглощается вышестоящим, выделяющим материальные потребности (в пище, одежде, условиях быта и др.), познавательные потребности (необходимость информации). Возникает новая потребность – в социальном общении, которая предполагает необходимость определить свое место в социальной группе. Дальнейший, более высокий уровень развития личности связан с возникновением потребности в труде, творчестве; наконец возникают мировоззренческие, идеологические потребности»².

Объясняя значение мотивационной сферы, В.Д. Иванов пишет: «Чтобы добиться цели, нельзя довольствоваться неопределенными стремлениями, неясными мотивами. Только ясная цель и убедительная мотивация способствуют возникновению и развитию умышленной преступной деятельности»³.

Одновременно с мотивацией у лица на данном этапе возникает умысел на совершение преступления. Однако возникновение умысла выступает сугубо внутренним (психологическим процессом), не находящим внешнего проявления, поэтому данный этап механизма сам по себе не является преступным.

Таким образом, в первую очередь мотивационная сфера ярко проявляется в умышленных преступлениях. Но ошибочно исключать наличие мотивации в неосторожных преступлениях, поскольку даже неосознанная деятельность основывается на определенных интересах и потребностях. «Человек, как сознательное существо, всегда мотивирует свое поведение, в какой бы форме оно ни происходило»⁴, – пишет С.А. Тарарухин. Отсутствие осознания совершаемых преступных

¹ Тарарухин С.А. Преступное поведение. Социальные и психологические черты. М., 1974. С. 24.

² Кудрявцев В.Н. Закон, поступок, ответственность. С. 164.

³ Иванов В.Д. Ответственность за покушение на преступление. Караганда, 1974. С. 7.

⁴ Тарарухин С.А. Преступное поведение. С. 47.

действий не исключает, а лишь предопределяет особенность мотивации неосторожных преступлений, заключающуюся в том, что потребности, выступающие движущей силой для реализации преступления, не имеют преступной окраски. Иными словами, лицо, желая удовлетворить определенные потребности, не осознавая характер совершаемых действий, преступает черту дозволенного поведения.

Формирование преступной мотивации в первую очередь имеет криминологическое значение для изучения личности лица, совершившего преступление, и объяснения причин такого поступка.

Однако и с точки зрения уголовного права анализ мотивационной сферы (сферы потребностей) интересен в нескольких направлениях. Во-первых, выявление типичных мотивов и целей, влияющих на общественную опасность определенного вида деяний, предопределяет необходимость включения их в качестве обязательного признака в законодательную конструкцию состава. Во-вторых, они могут повышать общественную опасность конкретного вида поведения и вводиться в качестве квалифицирующего состава. В-третьих, мотивы и цели могут учитываться при назначении наказания, признаваясь смягчающими или отягчающими обстоятельствами¹.

Соотношение выделенных в психологии потребностей и составов преступлений, закрепленных в Уголовном кодексе Российской Федерации, позволяет выделить ряд закономерностей. Элементарные, биологические потребности не могут выступать мотивом совершения преступления. По мнению В.Н. Кудрявцева, это объясняется тем, что «общество через многообразные социальные институты в полной мере удовлетворяет эти потребности; главное же состоит в том, что у современного человека биологические потребности уже почти не проявляются»².

Наиболее характерными для различных преступлений являются материальные потребности, которые характерны не только для преступлений против собственности, но и преступлений против жизни и здоровья, государственной власти и т.д. Однако следует отметить, что в конструкции составов корыстный мотив вводится не всегда (например, даже в преступлениях против собственности указывается не корыстный мотив, а корыстная цель).

¹ Второе и третье значение мотивации нами анализироваться не будут, поскольку конструирование квалифицированных составов, а также признание обстоятельств в качестве смягчающих или отягчающих являются самостоятельными исследованиями.

² Кудрявцев В.Н. Закон, поступок, ответственность. С. 167.

Наконец, высшие потребности – в творчестве, социальной активности, а также потребности мировоззренческие – не проявляются в преступлениях, поскольку связаны с социально значимым поведением.

Вторым звеном механизма совершения деяния выступает планирование преступления и принятие решения.

Исходя из значения термина «планирование», целесообразно выделить две возможные формы его осуществления:

1) мысленная, заключающаяся в обдумывании, представлении преступления. Подобная форма планирования безразлична для науки уголовного права, поскольку преступление предполагает совершение действия (бездействия) и, как верно замечает В.Н. Кудрявцев, «право не в состоянии регламентировать и регулировать мышление человека и не должно стремиться это сделать»¹;

2) деятельностная, предполагающая совершение конкретных действий по планированию преступления (например, составление планов, схем, осмотр местности и т.д.).

Что касается такого компонента механизма совершения деяния, как принятие решения, то данное понятие означает постановку цели, на достижение которой направлен будущий поступок и определение будущих действий, а также места, времени, способа их совершения².

Таким образом, на данном этапе лицо принимает несколько важных решений: об объекте, на который должно быть направлено преступление; целях, которые следует достичь; средствах их достижения и т.д.

Особый интерес представляет раскрытие третьего звена – исполнение преступления, которое состоит из совершения деяния и наступления результата.

Раскроем каждое звено более подробно.

1. Совершение конкретного деяния³.

Данный блок механизма совершения деяния осуществляется продолжительный период и составляет основу механизма.

Как уже отмечалось на страницах работы, деяние по уровню сложности (человеческое поведение) может представлять собой телодвижение, действие (бездействие), операцию, деятельность⁴.

С одной стороны, при совершении каждого конкретного преступления уровни поведения могут сменять друг друга. Так, В.Н. Кудряв-

¹ Кудрявцев В.Н. Закон, поступок, ответственность. С. 144.

² См.: Там же. С. 182.

³ Значение деяния подразумевается в узком смысле в форме действия и бездействия.

⁴ Выделение уровней поведения человека предложено в § 1.1.

цев отмечает: «Поведение индивида далеко не всегда представляет собой законченную последовательность: движение – действие – операция – деятельность. В действительности некоторые телодвижения обрываются, не превратившись в действие, так же как действия подчас не образуют операции. Это приводит к мысли о том, что между уровнями поведения нет жесткой, однозначной связи»¹. С другой стороны, анализируя механизм совершения деяний определенного вида, необходимо выявить типичный уровень, присущий этой разновидности деяния. Именно такой уровень человеческого поведения должен использоваться при конструировании состава преступления и описании самого деяния.

Трудно представить, что преступление может совершаться только путем одного телодвижения, поэтому данный уровень нельзя встретить в конструкциях составов преступлений, закрепленных в Особенной части. И наоборот, большинство преступлений представляют собой совокупность телодвижений² (иначе говоря, действия) и совокупность действий (т.е. операции), что предопределяет особенности их конструирования. При отражении действия как уровня поведения человека в конструкции не описываются телодвижения, поскольку их разнообразие не позволяет даже провести систематизацию, не то что описать в составе преступления. Именно через описание действия, без выделения составляющих его телодвижений сконструирован состав кражи как тайного хищения чужого имущества. В свою очередь, для отражения операции необходимо указать на совокупность действий, ее образующих. Так, например, в составе изнасилования описывается первое действие – половое сношение и второе действие – применение насилия к потерпевшей или другим лицам.

Наиболее сложным представляется отражение в составе преступления деятельности, объединяющей совокупность операций, направленных к единой цели. Например, состав бандитизма состоит из нескольких операций (создание банды, руководство бандой, участие в банде или совершаемых бандой нападениях), каждая из которых внутри складывается из совокупности действий.

По замечанию В.Н. Кудрявцева, «если уровень деятельности слишком “высок” для отдельной нормы права, то уровень телодвиже-

¹ Кудрявцев В.Н. Право и поведение. С. 15.

² Телодвижение во внешнем плане представляет собой определенное перемещение тела в целом или его органов – рук, ног, головы и т.д. См.: Плотников А.И. Объективное и субъективное в преступлении. М., 2011. С. 10.

ния, как правило, слишком “низок”. Телодвижения если и регламентируются, то главным образом техническими нормами»¹. Полностью соглашаясь с В.Н. Кудрявцевым относительно закрепления в уголовном законе уровня телодвижения, следует высказать отдельные критические замечания по поводу уровня деятельности. Все дело в том, что преступность с развитием времени приобретает все более сложные, организованные формы, поэтому все чаще вводимые в уголовный закон составы преступлений отражают именно уровень деятельности (например, создание экстремистского сообщества или организации и т.д.).

Таким образом, только на основе изучения механизма конкретно-го деяния и выявления типичных форм поведения в данном деянии в конструкции состава преступления при отражении деяния используется та или иная форма.

Представленная теория уровней активного поведения при совершении деяния, подтверждающаяся действующим уголовным законом, полностью меняет представление о формах деяния и должна служить основой конструирования состава преступления.

Кроме того, в качестве форм деяния необходимо выделять активную форму (действия, операции, деятельность) и пассивную форму (бездействие).

Значение подобного разделения объясняет Г.В. Тимейко: «От формы преступного деяния зависит способ воздействия на внешний мир: при действии используются естественные силы человеческого тела, природы, дающие толчок вредоносному развитию событий, при бездействии человек находится в состоянии физического покоя, не вмешиваясь в общественные и естественные процессы, причиняющие вред. Это обуславливает различный характер объективной связи поведения человека с общественно опасными последствиями: при действии человек причиняет вред, при бездействии – не предотвращает его, несмотря на то, что он мог и должен был это сделать»².

Н.Д. Дурманов предлагал выделять признаки активной формы деяния:

- 1) является сознательной деятельностью;
- 2) охватывает всю совокупность конкретных актов поведения, направленных на объект;

¹ Кудрявцев В.Н. Право и поведение. С. 27-28.

² Тимейко Г.В. Общее учение об объективной стороне преступления. С. 22-23.

3) охватывает собою не только телодвижения человека, но и те силы, которыми он пользуется, и те закономерности, которые он использует;

4) всегда предполагает совершение в определенных условиях места, времени и обстановки¹.

В целом соглашаясь с обозначенными признаками, остается неясным, что понимать под закономерностями и силами, которые использует лицо, совершая действия. Кроме того, обстановка, место и время совершения действия не являются отличительными признаками и зачастую вообще не включаются в конструкцию состава. В соответствии с этим активная форма деяния должна обладать объективными признаками (внешнее телодвижение или их совокупность, направленные на определенный объект), а также субъективными (осознанный и волевой характер).

Второй формой выступает преступное бездействие, т.е. пассивное поведение лица, при котором оно не совершает необходимых действий², хотя обязано было их выполнить³.

Преступное бездействие в большинстве научных работ определяется как общественно опасный в данных условиях места, времени и обстановки акт поведения, состоящий в несовершении лицом того действия, которое оно должно было и могло выполнить⁴. Исходя из представленного определения, сущность бездействия заключается в отсутствии внешне выраженных действий, когда конкретная ситуация требовала от лица совершения таких действий.

В механизме преступного деяния бездействие всегда проявляется через категорию действия, только с отрицательным значением (например, лицо не уплачивает налоги, не выполняет требования без-

¹ Дурманов Н.Д. Понятие преступления. С. 54.

² А.И. Плотников замечает, что «бездействие – весьма специфичный феномен в праве. Начнем с того, что бездействие в буквальном смысле представить крайне затруднительно. У живого человека всегда что-то находится в движении. Поэтому бездействие – достаточно условное понятие». См.: Плотников А.И. Объективное и субъективное в преступлении. С. 10. Думается, необходимо отличать юридическое бездействие и фактическое. Так, лицо, не уплачивающее налоги, совершает юридическое бездействие, но при этом может ежедневно продолжать действовать, перемещаясь в пространстве.

³ Как отмечает А.А. Герцензон, «обязанность может быть основана на предписании закона, на служебных или профессиональных функциях, на предшествующем поведении лица». См.: Герцензон А.А. Уголовное право. Часть общая. С. 293.

⁴ См.: Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. С. 85.

опасности и т.д.). Поэтому следует согласиться с утверждением А.А. Тер-Акопова «...бездействие есть отрицание действия»¹.

Г.В. Тимейко определяет следующие специфические признаки бездействия: при бездействии естественные силы, принадлежащие человеческому телу, находятся в состоянии покоя, при котором лицо воздерживается от совершения действий. Это может быть единичный акт либо система актов. Бездействие проявляется в условиях возникновения или существования источника повышенной опасности. Оно всегда выступает как невмешательство в естественные, технические или общественные процессы и имеет уголовно-правовой характер только в том случае, когда лицо должно было и могло предотвратить наступление общественно опасных последствий².

Кроме этого, в научной литературе предлагается выделять формы преступного бездействия: чистая и смешанная³.

Отрицая выделение смешанного бездействия, А.П. Козлов отмечает: «Нет смешанного бездействия, по отношению к объекту вреда бездействие всегда остается бездействием»⁴. Столь категоричное утверждение по своей сути не совсем верно по следующим соображениям. Во-первых, традиционная позиция выделения видов бездействия ни в одном источнике не утверждает, что бездействие в смешанной форме сможет превратиться в действие. Во-вторых, с очевидностью бездействие (как и действие) может по-разному проявляться в объективной действительности. Например, в одном случае для неисполнения обязанности лицу достаточно проявлять полную пассивность поведения, а в другом случае неисполнение должно быть сопряжено с активным поведением. Подобные проявления бездействия можно назвать по-разному (формы, виды, способы и т.д.), но сути вывода относительно различных вариантов проявления бездействия это не меняет. В-третьих, механизм преступного деяния при различных вариантах бездействия имеет свои особенности, влияющие на конструирование состава преступления. Соответственно, выделение чистого и смешанного бездействия, традиционно производимое в теории уголовного права, следует признать обоснованным.

¹ Тер-Акопов А.А. Бездействие как форма преступного поведения. М., 1980. С. 28.

² Тимейко Г.В. Общее учение об объективной стороне преступления. С. 52-61.

³ Там же. С. 64-65.

⁴ Козлов А.П. Понятие преступления. С. 208.

Т.В. Тимейко классифицирует бездействие на следующие виды: непредотвращение вреда, причиняемого внешними силами, возникшими самостоятельно и действующими независимо от виновного, и непредотвращение вреда, причиняемого внешними силами, возникшими в результате предшествующих невиновных действий данного лица¹. В рамках настоящего исследования подобная классификация представляет интерес, поскольку выделяемые виды существенно отличаются по механизму совершения деяния.

В первом случае лицо оказывается в определенной ситуации, которая существует в объективной жизни сама по себе и требует от субъекта совершения действий, которые он не совершает. Иначе говоря, роль лица в данном виде бездействия абсолютно пассивная. Такая форма бездействия имеет место при неоказании помощи больному, который оказался в сложной ситуации, а врач, вступив в ситуацию, не выполняет необходимых действий.

Во втором случае лицо играет определенную роль в возникновении объективно существующей ситуации, оказавшись в которой не исполняет обязательные для него действия. Например, в дорожно-транспортном происшествии виновный сам поставил пострадавшего в такое опасное состояние, оставив его в опасном для жизни состоянии.

Бездействие может стать преступным только в том случае, когда лицо должно и могло действовать. Так, В.Н. Кудрявцев отмечает: «Поступок человека должен быть проявлением его разума и воли. Если лицо вследствие объективных обстоятельств не имело возможности выполнить требуемое действие, то его бездействие, невмешательство было проявлением не его воли, а непреодолимой силы. Уголовная ответственность в этом случае исключается»². Возникает вопрос: как устанавливается возможность совершения действия?

По нашему мнению, возможность совершения действия необходимо связывать, во-первых, с личными качествами субъекта (его состояния в момент совершения поступка, уровня знаний, квалификации), а во-вторых, объективными особенностями конкретной ситуации, в которой лицо сможет применить такие качества.

Соотношение данных форм деяния в уголовном законе позволяет сделать следующие выводы: пассивную форму поведения нельзя отнести к числу распространенных, а большинство преступлений со-

¹ Тимейко Г.В. Общее учение об объективной стороне преступления. С. 66.

² Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. С. 87.

вершается путем активного поведения. Пассивная форма деяния в своей основе используется при конструировании преступлений, связанных с нарушением правил либо неисполнением обязанностей.

Различия между активной или пассивной формой поведения обуславливают особенности механизма преступного деяния. В частности, при совершении активной формы (иначе говоря, действия) лицо причиняет вред, а при пассивной форме не предотвращает его.

2. Наступление преступного результата. Данный блок в механизме общественно опасного деяния выделяется в связи с тем, что «преступление не заканчивается лишь совершением действия или бездействия, оно продолжается далее, включая и тот ущерб, который причинен этим поведением»¹.

В науке уголовного права понятие преступного результата является дискуссионным. Это объясняется существованием в научной литературе терминологической и содержательной неопределенности, поскольку, помимо названного понятия, используются и такие, как «преступные последствия», «вред», «ущерб» и т.д.

Так, Н.Д. Дурманов, употребляя термин «преступный результат», указывает на давность существования такой проблемы и отмечает: «Никто из буржуазных авторов не дал и не мог дать сколько-нибудь удовлетворительного определения результату»². «Одни авторы включают результат в действие»³, другие результатом считают все изменения внешнего мира, вызванные телодвижением. Третьи разделяют

¹ Пирзадаев А.Н. Общественная опасность и структура последствия от преступных деяний // Экономика. Налоги. Право. 2012. № 1. С. 67-70. Следует отметить наличие в научной литературе позиций, не включающих преступные последствия в механизм преступного деяния. Так, В.Д. Филимонов в качестве аргумента указывает на прекращение преступления с наступлением последствий. Включение последствий в механизм объясняется анализом генезиса преступления с ретроспективной точки зрения. См.: Филимонов В.Д. Генезис преступления. М., 2017. С. 102.

² Дурманов Н. Д. Понятие преступления. С. 56.

³ Так, нельзя не прокомментировать утверждение А.И. Плотникова: «Этот элемент резюмирует, итожит действие. Это другой “конец” одной и той же “палки”. По существу, деяние – это лишь предварительное последствие. Оно совершается с той же целью и имеет ту же направленность». См.: Плотников А.И. Объективное и субъективное в преступлении. С. 10. Ошибочность такого высказывания объясняется тем, что никакого «предварительного последствия» не существует. Кстати, и сам автор не разъясняет, что же под ним подразумевает. К тому же последствие не может совершаться, оно наступает в результате совершения деяния.

действие и результат, подразумевая под последним те изменения, которые причинены объекту»¹.

Г.В. Тимейко оперирует термином «общественно опасные последствия», под которыми понимает «те предусмотренные уголовным законом изменения в окружающем мире, которые возникают под влиянием деяния лица»².

В.Н. Кудрявцев указывает, что преступные последствия представляют собой вредные изменения в объекте посягательства³.

По мнению В.В. Мальцева, «преступные последствия – это общественно опасный ущерб, отражающий свойства преступного деяния и объекта посягательства, наносимый виновным поведением, от причинения которого соответствующее общественное отношение охраняется нормами уголовного права»⁴.

Т.В. Церетели различает последствия в широком и узком смысле слова. В широком смысле слова последствия присущи любому преступлению. Последствия в узком смысле – это конкретный ущерб, предусмотренный составом преступления⁵.

По мнению В.С. Прохорова, нужно различать преступные последствия – ущерб объекту преступления и преступные последствия – тот материальный, политический, моральный вред, который причиняется участникам общественных отношений⁶.

Анализ приведенных позиций показывает абсолютное разнообразие мнений с использованием одного и того же круга понятий, что предопределяет необходимость изучения лексического значения терминов «вред», «ущерб», «последствия», «результат».

¹ Дурманов Н. Д. Понятие преступления. С. 56. Сам автор также относился к третьей точке зрения, поскольку под результатом понимал те качественные изменения, которые причинены объекту посягательства действием или бездействием субъекта. По его мнению, именно качественные изменения образуют результат.

² Тимейко Г.В. Общее учение об объективной стороне преступления. С. 7.

³ См.: Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. С. 11.

⁴ Мальцев В.В. Проблема уголовно-правовой оценки ... С. 27.

⁵ См.: Церетели Т.В. Причинная связь в уголовном праве. Тбилиси, 1957. С. 22.

⁶ См.: Тимейко Г.В. Общее учение об объективной стороне преступления. С. 79.

Вред – ущерб, порча¹; ущерб – потеря, убыток, урон²; последствия – это результат, следствие чего-либо³; результат – конечный итог, завершающий какое-либо действие, явление⁴.

Семантический разбор данных терминов приводит к следующему выводу: термины «последствия» и «результат» являются синонимами и отражают конечный итог совершения деяния, завершающий этап процесса совершения преступления. Содержание же данного итога является вредоносным, поэтому проявляется в терминах «вред» и «ущерб», которые тоже выступают в качестве синонимов. На основании изложенного, наиболее правильно использовать данные термины в следующем сочетании: деяние приводит к наступлению преступных последствий (результата) в виде причинения конкретного вреда (ущерба)⁵.

Кроме того, анализ научной литературы показал некую общность во мнениях, выражающуюся в том, что последствия (результат) тесно связаны с объектом преступления и отражают те негативные изменения, которые произошли в объекте в результате совершения деяния.

Так, А.Н. Трайнин утверждает, что «объект и последствие друг от друга неотделимы»⁶. В.Д. Иванов продолжает данную мысль, указывая, что «особенности каждого непосредственного объекта налагают отпечаток на совершаемые лицом действия (бездействие) при посягательстве на этот объект. Следовательно, вред (ущерб) охраняемому уголовным законом объекту может быть причинен не любыми, а только определенными действиями, характер которых определяется свойствами самого объекта»⁷. Не отрицая наличие связи между дея-

¹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1995. С. 99.

² Там же. С. 895.

³ Новый толковый словообразовательный словарь русского языка / под ред. Т.Ф. Ефремовой. С. 103.

⁴ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. С. 663.

⁵ С.В. Землюков также подчеркивает синонимичность данных терминов, отмечая: «Применительно к общему понятию преступления наиболее приемлемым является понятие “преступный вред”. Понятия “ущерб”, “урон”, “унижение” и другие характеризуют вред отдельных видов преступлений». См.: Землюков С.В. Преступный вред: теория, законодательство, практика: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1993. С. 16.

⁶ Трайнин А.Н. Общее учение о составе преступления. М., 1957. С. 140. На незыблемую связь объекта и последствия указывает и Б.С. Никифоров. См.: Никифоров Б.С. Объект преступления по советскому уголовному праву. М., 1960. С. 141.

⁷ См.: Иванов В.Д. Ответственность за покушение на преступление. С. 38.

нием и объектом, полагаем, что все элементы состава и признаки, им присущие, связаны между собой. Так, имеется связь между деянием и формой вины, деянием и наступившим последствием, деянием и теми общественными отношениями, на которые оно посягает. Аналогичная связь имеется и между объектом и наступившими последствиями, поскольку объект отражает характер и тяжесть преступных последствий. Однако отдельные авторы не согласны с высказанным суждением, отмечая, что объект в первую очередь связан с действием (бездействием), независимо от последствий¹.

Действительно, преступные последствия (преступный результат) – это те вредные изменения, которые наступили в результате совершения деяния. Такие изменения объективно существуют в общественной жизни и проявляются в нарушении тех или иных отношений в обществе.

Объясняя взаимосвязь объекта преступления и преступных последствий, Г.В. Тимейко отмечает: «Объект состоит из следующих элементов: участники общественных отношений, сами отношения коллективов или личностей (их деятельность), условия реализации общественных отношений (т.е. их нормального существования и функционирования), материальные вещи, предметы, если общественные отношения возникают по поводу таких предметов. Вред, причиненный одному из элементов объекта, и есть общественно опасное последствие². Так, например, при посягательствах на личность вред причиняется не абстрактным общественным отношениям, а одному из элементов этих отношений, то есть личности»³.

А.Н. Павлухин подобное причинение вреда общественным отношениям через воздействие на участников отношения, предметы именует «опосредованным воздействием». Помимо этого, автор выделяет и непосредственное причинение вреда общественным отношениям путем воспрепятствования действиям, в которых они выражаются

¹ См.: Брайнин Я.М. Уголовный закон и его применение. С. 170.

² Аналогичного мнения придерживается В.В. Мальцев, но с использованием несколько иного понятийного аппарата. В частности, автор выделяет три формы преступных последствий: 1) связанной с прямым посягательством на социальную возможность (например, уклонение от прохождения военной службы); 2) посягательство осуществляется посредством воздействия на предмет общественного отношения; 3) посягательство происходит на субъекта общественных отношений. См.: Мальцев В.В. Проблема уголовно-правовой оценки ... С. 31-32.

³ См.: Тимейко Г.В. Общее учение об объективной стороне преступления. С. 80.

(например, дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества); исключение лицом самого себя из общественного отношения (дезертирство); несовершенство действий, являющихся общественно необходимыми (халатность); видоизменение виновным тех отношений, в которых он состоит (торговля людьми)¹.

Присоединяясь к высказанной точке зрения, отметим, что для уяснения преступного последствия в механизме преступного деяния необходимо проанализировать структуру объекта преступления и входящие в нее элементы, что позволит учесть специфику подобной связи при конструировании состава преступления и при описании ее в диспозиции статьи. Например, в преступлениях против собственности негативные изменения происходят в таком элементе общественных отношений, как материальные вещи, соответственно, причинение материального вреда будет являться последствием совершения данных преступлений. Связь объекта и преступных последствий в преступлениях против собственности, выражающаяся в причинении вреда материальным вещам (имуществу), предопределяет включение в состав преступления предмета преступления, по поводу которого происходит преступное посягательство.

Преступное последствие может выражаться в нарушении одного элемента объекта преступления либо нескольких элементов. Данное обстоятельство предопределяет необходимость выделения простых последствий (в которых вред причиняется одному элементу объекта преступления) либо сложных (вред причиняется нескольким элементам). Например, при изнасиловании вред причиняется только участникам отношений, а при совершении грабежа с применением насилия, не опасного для жизни и здоровья – не только участникам общественных отношений, но и социальной связи. Именно поэтому состав преступления может содержать несколько преступных последствий (например, ст. 293 УК РФ).

В.Д. Филимонов развернуто представил концепцию о выделении нескольких разновидностей вреда, причиняемого объекту.

«Объект преступления, – отмечает В.Д. Филимонов, – представляет собой сложное структурное образование. Как система он состоит из двух подсистем – системы охраняемого общественного отношения и

¹ См.: Павлухин А.Н. Общественно опасное поведение и его уголовная противоправность. С. 30-31. Думается, все, что включено автором в качестве непосредственного воздействия, можно отнести к такому элементу общественных отношений, как условия их реализации без использования дополнительных критериев непосредственного и опосредованного воздействия.

системы охраняющего общественного отношения. Первая из этих двух подсистем представляет собой защищаемое уголовным правом общественное отношение (собственность, отношение, выражающее интересы государственной власти, государственной службы и др.), другая – общественное отношение, защищающее первое общественное отношение»¹. Правовым содержанием охраняющего общественного отношения выступает право государства требовать неприкосновенности охраняемого общественного отношения и подвергать наказанию ее нарушителей, а также обязанность нарушителей подвергнуться наказанию, предусмотренному законом за совершенное преступление»².

Вред охраняемым общественным отношениям обычно материализуется в конкретных общественно опасных последствиях (смерть потерпевшего при убийстве, имущественный ущерб владельцу имущества при краже или уничтожении имущества, психические страдания при оскорблении и т.д.). По-иному выглядит вред охраняемому общественному отношению. «Вред, причиняемый преступлением охраняемому общественному отношению, – пишет В.Д. Филимонов, – состоит в том, что это отношение на определенном участке общественной жизни перестает выполнять свою функцию по охране непосредственного объекта»³. Это происходит потому, что совершенное преступление, во-первых, оказывает провоцирующее воздействие на неустойчивых граждан, во-вторых, негативно влияет на сознание устойчивых в социальном отношении граждан, вызывая у них беспокойство за свою безопасность, за сохранность принадлежащих им благ⁴.

В.В. Мальцев предлагает различать общественную опасность у разных форм преступных последствий. В частности, он пишет: «Преступное последствие, выражающееся в непосредственном нарушении социальной возможности, менее опасно, чем последствие, вызванное воздействием на предмет общественного отношения, и тем более менее опасно, чем преступное последствие, заключающееся в нарушении социальной возможности посредством воздействия на субъекта общественного отношения»⁵. Обоснованность подобного утверждения вызывает сомнение, поскольку, если проанализировать преступления, преступные последствия которых не связаны с предметом и

¹ Филимонов В.Д. Норма уголовного права. С. 95.

² Там же. С. 95.

³ Там же. С. 95-96.

⁴ Там же. С. 96.

⁵ Мальцев В.В. Проблема уголовно-правовой оценки ... С. 34.

субъектом общественного отношения, то станет очевидным, что в этой группе множество преступлений тяжких и особо тяжких, обладающих высочайшей общественной опасностью. И наоборот, в УК РФ существует масса преступлений, преступные последствия которых выражаются в нарушении предмета общественных отношений (например, преступления против собственности), и они не характеризуются повышенной общественной опасностью.

Тот факт, что в преступных последствиях находят отражение и признаки деяния, и признаки объекта преступления, не вызывает сомнений. При этом ключевой движущей силой выступает именно деяние, которое воздействует на объект преступления и, таким образом, причиняет преступные последствия. «Фактическая вредоносность преступных последствий зависит от интенсивности преступного деяния. Интенсивность преступного деяния определяется его способом и продолжительностью. Применение в процессе противоправной деятельности профессионально преступных методов и приемов, использование оружия, технических средств, источников повышенной опасности и т.п. повышает интенсивность деяния. Вместе с тем даже самые незначительные усилия и при достаточно примитивном способе преступления, если они осуществляются систематически, длительное время, увеличивают интенсивность посягательства», — пишет В.В. Мальцев¹. Думается, что если интенсивность посягательства и влияет на последствия, то только путем облегчения их наступления. Так, бесспорно, что применение оружия облегчит совершение любого преступления, а систематические действия закономерно приведут к наступлению последствий. Однако зависимость между интенсивностью деяния и *вредоносностью* последствий (выделено нами. — О.Е.) все же отсутствует, поскольку последствие можно причинить и не используя чрезмерно интенсивные способы совершения деяния (например, причинить смерть можно различными способами, и это не повлияет на вредоносность последствий).

С.В. Землюков развивает вывод о влиянии деяния на преступные последствия, указывая: «Все виды вредных изменений, производимых преступным действием, можно разделить на четыре типа. Первый тип вредного изменения объекта посягательства характеризуется утратой материального или нематериального блага. Это вредное изменение возникает при совершении разрушающего действия. Второй тип

¹ Мальцев В.В. Проблемы уголовно-правовой оценки общественно опасных последствий. Саратов, 1989. С. 12.

вредного изменения состоит в сохранении определенного вредного состояния (положения). Третий тип вредных изменений объекта посягательства состоит в осуществлении запрещенной законом деятельности, результатом которой является создание (производство) вредных для общества, запрещенных продуктов. Четвертый тип вредного изменения состоит в недостижении (ненаступлении) общественно полезного блага»¹. Допуская возможность существования подобной типологии, следует обратить внимание на ряд вопросов. Так, в первом типе изменений в объекте вызывает сомнение возможность «утраты нематериального блага» (выделено нами. – О.Е.), поскольку, например, честь или достоинство невозможно утратить, а только лишь нарушить. Осуществление запрещенной законом деятельности вообще вряд ли относится к изменениям в объекте, оно в большей степени представляет собой преступное деяние.

Что касается типов вредных изменений, наступающих при преступном бездействии, С.В. Землюков объясняет их выделение «закономерностями и связями, возникающими между различными видами бездействия и соответствующими объектами посягательства». В частности, автор указывает: «Антиобщественная сущность бездействия определяется теми положительными изменениями, которые должны были произойти, но не произошли, и теми отрицательными изменениями, которые не должны были произойти, но произошли. Первый тип вреда при бездействии состоит в том, что воздержание лица от совершения результативного общественно полезного действия не приводит к появлению общественно полезного результата, определенного обязанностью. Ненаступление общественно необходимого блага как объекта соответствующего общественного отношения приводит к тому, что отношение теряет свою социальную значимость, прерывается. Второй тип вредных изменений происходит при воздержании субъекта отношения от совершения сохраняющих, подавляющих и пресекающих действий»². Анализируя выделенные типы вреда, можно согласиться с существованием первого типа, поскольку бездействие лица, заключающееся в невыполнении какой-либо обязанности, объективно приводит к отсутствию общественно полезного результата (например, бездействие врача, не оказавшего помощь, не приводит к быстрому

¹ Землюков С.В. Преступный вред: теория, законодательство, практика: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1993. С. 16-17.

² Там же. С. 17.

выздоровлению больного). Второй же тип изменений как таковой существовать не может и относится к деянию, а не к последствиям.

Соответственно, не отрицая влияния формы деяния на особенности преступных последствий, выражающихся в негативных изменениях в общественных отношениях, выделение видов изменений необходимо основывать на том, что преступные последствия всегда заключаются в нарушении, уничтожении того или иного элемента общественных отношений и не могут отождествляться с совершением самого деяния.

В какой же момент происходят негативные изменения в объекте преступления?

Ответ на данный вопрос не вызывает сложностей при окончанном преступлении и приговорительных действиях, поскольку в случае полного совершения деяния, а тем более при наступлении преступного результата, правоохраняемое отношение уже нарушено. При прерывании преступной деятельности на этапе совершения приговорительных действий негативные изменения в объекте еще не наступают, поскольку реального воздействия на общественные отношения еще не происходит¹.

¹ См.: Тарарухин С.А. Преступное поведение. С. 116. Иной точки зрения придерживается В.Д. Иванов, который утверждает, что при приготовлении также «создается угроза для непосредственного посягательства», поэтому «степень опасности причинения ущерба правоохраняемым объектам при приготовлении гораздо ниже, нежели при покушении». См.: Иванов В.Д. Ответственность за покушение ... С. 38. Обоснованность такого мнения вызывает сомнения по нескольким основаниям. Первое. Очевидно, происходит смешение понятий «причинение вреда» и «угроза причинения вреда», которые обладают абсолютно разным содержанием. Причинение вреда характеризует уже свершившиеся негативные изменения в объекте, а угроза – только возможные в отдаленном будущем. Поэтому если рассматривать только первую часть утверждения В.Д. Иванова, то с ним следует согласиться относительно возможности наступления ущерба общественным отношениям при совершении приговорительных действий в будущем. Например, Н.Ф. Кузнецова отмечает: «В отличие от окончанного преступления, объекту здесь еще не причинен ущерб. *Но ущерб здесь только возможен*» (выделено нами. – О.Е.). См.: Кузнецова Н.Ф. Ответственность за приготовление к преступлению и покушение на преступление по советскому уголовному праву. М., 1958. С. 48. Второе. Под преступными последствиями необходимо понимать только уже произошедшие нарушения в объекте преступления, которые при приготовлении наступить не могут, поскольку преступное деяние еще не совершается, а лишь создаются условия его выполнения.

Наибольшую дискуссию вопрос о причинении вреда объекту посягательства, вызывает при неоконченной преступной деятельности в процессе совершения деяния.

Так, Н.В. Лясс отмечает: «Неоконченная преступная деятельность, которая вела к наступлению результата, предусмотренного законом, не наносит конкретного ущерба предусмотренному составом объекту, но подвергает его опасности причинения вреда»¹. Отсюда предлагается различать возможность причинения вреда объекту и действительное, реальное причинение вреда².

Резюмируя представленные мнения, следует отметить, что, по мнению авторов, преступные последствия характерны только для оконченных преступлений³. В случае же неоконченной преступной деятельности вред объекту еще не причиняется, а лишь имеет место возможность причинения вреда⁴.

По нашему мнению, представленные точки зрения верны лишь отчасти. Так, следует согласиться с авторами, что при приготовительных действиях не наступают преступные последствия, поскольку объект преступления в силу отсутствия посягательства еще не страдает. Однако нельзя отрицать того обстоятельства, что такие действия уже

¹ Цит. по: Мальцев В.В. Проблемы уголовно-правовой оценки ... С. 20.

² Например, В.В. Мальцев пишет: «Всякое явление имеет две основные ступени в становлении и развитии – возможность и действительность, игнорировать которые, не стесняя законодателя в возможностях активного воздействия на общественные отношения, не подрывая основания ответственности за приготовление к преступлению и за покушение на преступление, а по-видимому, и материальные основы понятия преступления, нельзя». См.: Мальцев В.В. Проблемы уголовно-правовой оценки ... С. 23.

³ Н.Д. Дурманов вообще утверждает, что «при конструкции составов преступлений без включения в них последствий состав преступления будет налицо и тогда, когда ни малейшего ущерба объекту не причинено». См.: Дурманов Н.Д. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву. М., 1955. С. 40. Не соглашаясь с высказанной позицией, отметим, что совершение деяния уже нарушает охраняемые законом общественные отношения, поэтому ситуации, когда деяние произошло, а последствия (в т.ч. не закрепленные в конструкции состава преступления) не наступили, существовать не может.

⁴ Так, Г.В. Тимейко утверждает: «"Возможность" еще не есть "действительность", и "возможные последствия" не есть последствия, наступившие в объективной реальности. Если за последствия выдавать не только то, что уже наступило и находится в мире действительного, но и то, что могло бы наступить и находится в мире возможного, – само понятие последствия из объективной реальности превратилось бы в фикцию». См.: Тимейко Г.В. Общее учение об объективной стороне преступления. С. 86.

приближают лицо к исполнению преступления, предопределяя возможность причинения вреда охраняемым общественным отношениям.

При совершении конкретных действий (бездействии) начинается воздействие на охраняемые общественные отношения, приводящее к причинению вреда объекту преступления. Например, если лицо, имея умысел на изнасилование, срывает одежду с потерпевшей, наносит удары, но не осуществляет половой акт, то содеянное образует покушение на изнасилование, при котором воздействие на половую неприкосновенность уже имеет место. Однако было бы неверным утверждать, что в результате начала совершения деяния во всех случаях и в полном объеме нарушаются общественные отношения. Например, если лицо, желая причинить смерть, начинает совершать конкретные действия, это не свидетельствует о том, что общественные отношения, охраняющие жизнь, уже нарушены. В этом случае можно лишь говорить о том, что данные общественные отношения подверглись вредоносному воздействию. В свою очередь, негативные изменения произойдут только при наступлении смерти.

Таким образом, при совершении подготовительных действий существует только реальная возможность причинения вреда объекту преступления. Непосредственные же изменения могут иметь место с момента совершения деяния либо при наступлении преступного результата.

При этом общего правила, руководствуясь которым можно утверждать о причинении вреда общественным отношениям, не существует, поскольку констатация причинения вреда зависит от особенностей самого деяния и его способности привести к наступлению вреда.

Произошедшие в результате преступного деяния вредоносные изменения принято именовать фактическими последствиями, поскольку они закономерно следуют за совершением действия (бездействием).

Однако фактические последствия далеко не всегда включаются в законодательную конструкцию состава преступления. Поэтому, когда фактические последствия входят в конструкцию состава, они становятся юридическими.

Иную терминологию предлагает Г.С. Курбанов, который отмечает, что «следует выделять последствия как признак преступления и последствия как признак состава преступления. Если последствия как признак преступления наличествуют во всех без исключения общественно опасных деяниях, то последствия как признак состава преду-

смаатриваются лишь в так называемых материальных составах преступлений»¹.

В рамках изучения механизма преступного деяния интерес представляет в первую очередь фактические последствия, поскольку именно они влияют на выбор конструкции состава преступления и только в результате произведенного процесса конструирования получают статус юридических.

Кроме того, по своему содержанию фактические последствия подразделяются на физические (вред жизни и здоровью человека), материальные (имущественные), организационные, политические, социально-экономические и т.д.²

В.Н. Кудрявцев указывает на различный характер преступного результата, который проявляется «либо в общественно вредном изменении внешней среды (прямой ущерб), либо в ненаступлении тех изменений, которые были бы общественно полезны (упущенная выгода, неосуществленные возможности и т.д.)»³. Анализируя данную точку зрения с позиции выделения фактических последствий, можно отметить, что она представляется не совсем обоснованной, поскольку во всех случаях совершения деяния происходит вредное изменение тех общественных отношений, которые охраняются законом. Так, даже при причинении упущенной выгоды (например, в составе причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием) происходят объективные негативные изменения в общественных отношениях (отношениях собственности).

Интересную закономерность между формами деяния и наступившим результатом показал В.Н. Кудрявцев, выделив активную и пас-

¹ См.: Курбанов Г.С. Вопросы совершенствования законодательной регламентации общественно опасных последствий преступлений // Мониторинг правоприменения. 2014. № 4. С. 9-13.

² Разновидностью таких последствий является и моральный вред. Так, С.М. Воробьев указывает, что «моральный вред – следствие любого преступного деяния. Это обусловлено тем, что всякое преступление аморально и связано с причинением преступного последствия в виде морального вреда потерпевшему. Моральный вред является дополнительным признаком объективной стороны состава преступления». См.: Воробьев С.М. Моральный вред как одно из последствий преступного деяния: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2003. С. 9. Думается, значение морального вреда автором несколько преувеличено, поскольку данный вред наступает при совершении далеко не каждого преступления и зависит от личностных особенностей психического состояния потерпевшего.

³ Кудрявцев В.Н. Причинность в криминологии (о структуре индивидуального преступного поведения). М., 1968. С. 87.

сивную его разновидность. Он указывает, что при совершении деяния в форме действия может наступить активный результат, выразившийся в изменениях внешней среды, а может – пассивный результат без реального изменения среды¹. Первая форма, предложенная В.Н. Кудрявцевым, имеет место, например, в убийстве, когда виновный производит выстрел, приводящий к наступлению смерти. Примером второй формы может являться отказ свидетеля от дачи показаний, когда никаких изменений во внешней среде не происходит. Правда, нельзя согласиться с отдельными преступлениями, выделенными автором в качестве примеров второй формы взаимодействия действия и результата. В частности, мошенничество влечет реальное уменьшение имущественной массы потерпевшего лица, соответственно, больше подходит под первую форму.

Аналогичные формы выделяются и при бездействии. Первую разновидность В.Н. Кудрявцев определяет как пассивное бездействие – активный результат². В качестве примера такой взаимосвязи можно привести невыполнение врачом своих обязанностей, повлекшее вред здоровью потерпевшего лица. И наконец, последняя модель имеет место при пассивном бездействии, приведшем к пассивному результату (например, должностное лицо не составляет протокол об административном правонарушении из личной заинтересованности, причиняя вред авторитету государственной власти).

Исходя из представленной схемы, активный результат будет в том случае, если произошли реальные изменения во внешней среде (иначе говоря, осязаемые последствия), в том же случае, если вред объективному восприятию не подлежит (как в приведенных примерах – нарушение авторитета власти, интересов правосудия и т.д.), то такой результат является пассивным³.

Таким образом, механизм преступного деяния как процесс проявления звеньев, образующих его содержание, воплощается в действительность следующим образом. Ключевой фигурой, приводящей весь механизм в движение, является человек. Как верно замечает В.Н. Кудрявцев, «механизм... воедино связывает личность и внеш-

¹ См.: Кудрявцев В.Н. Причинность в криминологии. С. 88-91.

² Там же. С. 92-93.

³ Предложенное В.Н. Кудрявцевым деление преступного результата на активный и пассивный по смысловому содержанию соответствует классификации последствий на материальные (подлежащие измерению и оценке) и нематериальные (не подлежащие оценке). См.: Тимейко Г.В. Общее учение об объективной стороне преступления. С. 89.

нюю среду»¹. После чего у лица на основе потребностей и интересов формируется преступная мотивация, которая воплощается в последующее планирование преступления и его исполнение.

С другой стороны, в механизме преступного деяния проявляется состав преступления, т.е. будущая модель такого поведения, поэтому в содержании механизма находят отражение все признаки состава преступления: общественные отношения, на которые направлено преступное деяние (объект преступления), объективная сторона как внешняя характеристика самого деяния, объединяющая действие (бездействие), последствия, причинную связь, место, время, способ, обстановку, средства и орудия совершения преступления; субъект (т.е. лицо, осуществляющее деяние); субъективная сторона (т.е. внутреннее отношение виновного к совершаемому деянию), выражающаяся в форме вины, мотивах, целях преступного деяния.

Анализ содержания и особенностей механизма совершения деяния весьма важен как с теоретической, так и с практической точки зрения. С научной точки зрения он имеет значение для конструирования составов и их описания в нормах Особенной части; в практическом плане – исследование механизма совершения деяния поможет в осуществлении законотворческой деятельности.

В научной литературе, наряду с термином «механизм совершения деяния», используется термин «механизм причинения вреда общественным отношениям»². Возникает вопрос о соотношении указанных понятий. Думается, что термин «механизм причинения вреда общественным отношениям» является более узким, поскольку причинение вреда объекту преступления начинается только с момента совершения самого деяния (в активной или пассивной форме). До этого этапа объект преступления еще не страдает. В свою очередь, механизм совершения деяния показывает процесс его осуществления, начинающийся с зарождения преступной мотивации и планирования преступления, до его дальнейшего исполнения.

Соответственно, о механизме причинения вреда общественным отношениям мы можем говорить только на третьем этапе механизма совершения деяния – этапе исполнения деяния, заключающемся не только в его совершении, но и в наступлении преступного результата.

¹ Кудрявцев В.Н. Механизм преступного поведения. С. 5.

² См.: Карпушин М.П., Курляндский В.И. Уголовная ответственность и состав преступления. С. 101.

Представленные в данном параграфе положения, раскрывающие содержание общего механизма совершения преступления, объединяющего этапы, характерные для абсолютного большинства деяний, имеют в большей степени теоретическое значение. С точки же зрения практического использования особенностей механизма совершения деяния для конструирования составов преступлений наиболее целесообразно использовать уровень механизма совершения деяния определенного вида, что объясняется особенностями отдельных групп преступного поведения, накладывающими существенный отпечаток на содержание механизма совершения деяния.

Стадии механизма преступного деяния

§ 2.1. Понятие стадий механизма преступного деяния

Протяженность во временном отрезке, будучи присуща каждому преступному деянию¹, предопределяет рассмотрение преступления как процесса с позиции механизма его совершения, содержание которого состоит из определенных звеньев (блоков). Звено механизма преступного деяния представляет собой определенный этап развития преступного деяния, каждый из которых последовательно сменяет друг друга, приближая виновного к достижению преступного результата.

Представленное понимание этапов механизма преступного деяния, полностью соответствует лексическому значению данного термина, означающему *стадию* развития какого-нибудь процесса² (выделено нами. – О.Е.). Синонимичность понятий «этап» и «стадия» позволяет выделять в механизме любого преступного деяния определенные стадии, т.е. этапы его развития.

Однако в науке уголовного права и в большинстве учебников по Общей части понятие «стадии совершения преступления» традиционно связывается с понятиями приготовления, покушения и оконченного преступления³ и раскрывается только в рамках этих понятий.

Возникшая терминологическая неопределенность, заключающаяся в необходимости использования понятия «стадии», с одной стороны, в качестве этапов механизма преступного деяния, а с другой стороны, как обобщающего понятия, включающего в себя приготовление, покушение и оконченное преступление, актуализирует проблему теоретического осмысления «традиционного» значения понятия стадий совершения преступления, а также его взаимосвязь с механизмом преступного деяния.

¹ Хотя данный признак характерен для любого преступления, он не выделяется в научной литературе. Это можно объяснить тем обстоятельством, что временная протяженность не влияет на признание деяния преступлением, а также на квалификацию, т.е. не имеет юридического значения.

² См.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. С. 901.

³ См.: Уголовное право. Общая часть / под ред. Б.В. Здравомыслова. М., 1999. С. 224-225.

Несмотря на то обстоятельство, что само понятие «стадии совершения преступления» появилось в науке уголовного права еще в XIX в.¹, вопросы их видов и содержания нельзя отнести к числу разработанных. Кроме того, отдельно следует указать на то обстоятельство, что проблема стадий совершения преступления рассматривается изолированно от понятия механизма преступного деяния, хотя очевидно, что как стадии, так и механизм показывают процесс развития преступления².

Не вносит ясности относительно правовой природы стадий совершения преступления и законодатель, который вообще не использует данное понятие, закрепляя в гл. 6 УК РФ нормы, касающиеся исключительно неоконченного и оконченного преступления³.

Анализ научной литературы приводит к выводу, что большинство ученых рассматривают вопрос о стадиях совершения преступления через призму понятий приготовления, покушения и оконченного преступления⁴. Хотя следует отметить, что существовали и противники

¹ Понятие стадии было использовано Л.Е. Владимировым в «Учебнике русского уголовного права» 1889 г. См.: Ситникова А.И. Русские криминалисты о неоконченных видах преступлений. М., 2013. С. 28-29.

² Это обстоятельство можно объяснить ограниченным кругом исследований в уголовно-правовой науке, посвященных самому понятию механизма преступного деяния.

³ Следует отметить, что исторически понятие «стадии» не было характерно как для уголовного законодательства, так и для уголовного права. Вместо него в законодательных актах содержалось понятие «неоконченное преступление», которое включало в себя приготовление и покушение. Впервые данные понятия были закреплены в «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 года. Однако данные понятия не рассматривались в качестве стадий совершения преступления. См.: Назаренко Г.В., Ситникова А.И. Неоконченное преступление и его виды. М., 2003. С. 19; Ситникова А.И. Приготовление к преступлению и покушение на преступление. М., 2006. С. 25-26, 32. Исключение составляют «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР» 1919 г. (раздел 4 именовался «О стадиях осуществления преступления»). Кроме того, понятие стадии не упоминается ни в одном зарубежном уголовном законе. См.: Насимов Г.А. Неоконченное преступление. М., 2009. С. 11; Ситникова А.И. Русские криминалисты о неоконченных видах преступлений. М., 2013. С. 6-8.

⁴ См.: Насимов Г.А. Неоконченное преступление. С. 49; Советское уголовное право / под ред. М.И. Ковалева. Свердловск, 1972. С. 153-154; Иванов В.Д. Ответственность за покушение ... С. 9. На данном этапе, не предвещая выводов о необходимости выделения стадий, отметим, что критерии уголовной ответственности как за оконченную, так и прерванную преступную деятельность должны устанавливаться только в законе, поскольку согласно ст. 3 УК РФ «преступность деяния и его наказуемость определяются только настоящим Кодексом».

выделения стадий совершения преступления. Так, А.Н. Трайнин считал, что «приготовление и покушение сливаются в понятие деятельности направленной, но не достигшей преступного результата». При этом осуществление учета такой деятельности «всецело в компетенции суда, а не законодателя»¹.

Традиционно в учебниках по уголовному праву разъясняется, что стадии – это определенные этапы развития умышленного преступления, среди которых следует выделять: приготовление к преступлению, покушение на преступление и оконченное преступление².

В.Д. Иванов, поддерживая данную точку зрения, подчеркивает: «...Стадии проявляются во внешнем поведении и различаются между собой степенью осуществления лицом своего преступного умысла и различным характером совершенных при этом действий (бездействий)»³.

Н.Д. Дурманов, формулируя понятие стадий, указывает: «Это определенные этапы подготовки и непосредственного совершения умышленного преступления. Преступление по советскому уголовному праву есть акт внешнего общественно опасного поведения человека. Поэтому и все стадии осуществления преступления представляют собой такие же акты»⁴.

Ключевая мысль изложенных позиций ученых, рассматривающих стадии совершения преступления через призму понятий приготовления, покушения и оконченного преступления, видится в том, что стадии представляют собой определенные этапы поведения человека, которые должны сменять друг друга, чтобы предыдущий не повторялся в последующем.

По нашему мнению, именно признак временной сменяемости стадий не соотносится с понятием оконченного преступления, традиционно признаваемого последней стадией совершения преступления.

¹ Цит. по: Ситникова А.И. Приготовление к преступлению ... С. 30.

² См.: Советское уголовное право / под ред. М.И. Ковалева. С. 153-154; Уголовное право / под ред. Б.В. Здравомыслова. М., 2000; Уголовное право / под ред. А.И. Рарога. М., 2015. Следует отметить, что, несмотря на распространенность изложенной позиции, ее представители так и не объясняют отказ законодателя от использования понятия «стадии совершения преступления».

³ Иванов В.Д. Ответственность за покушение ... С. 9.

⁴ Дурманов Н.Д. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву. С. 10.

Так, согласно ч. 1 ст. 29 УК РФ преступление признается оконченным, если в совершенном лицом деянии содержатся все признаки состава преступления. Очевидно, что даже в плане временной протяженности оконченное преступление охватывает собой *все* этапы противоправного поведения лица, начиная с preparatory действий (если они были в данном конкретном случае) и заканчивая причинением вреда объекту уголовно-правовой охраны¹. Кроме того, понятие оконченного преступления не связывается с поведением человека, поскольку законодатель использует формулировку прошедшего времени – «*в совершенном деянии*» (выделено нами. – О.Е.). Юридическое же значение придается отражению *в уже совершенном поступке* признаков состава преступления (выделено нами. – О.Е.).

Представленные аргументы свидетельствуют о существующих противоречиях в традиционном понимании стадий совершения преступления в качестве приготовления, покушения и оконченного преступления.

В противовес традиционной позиции в XX в. появляются сторонники разделения стадий совершения преступления и выделяемых видов неоконченного преступления.

Так, А.И. Ситникова указывает, что «трактовка неоконченных видов преступления в качестве стадий имеет ряд недостатков: во-первых, множество преступлений не проходит названных стадий; во-вторых, выделение стадий возможно только в отношении многоэтапных оконченных преступлений; в-третьих, отнесение оконченного преступления к третьей стадии совершения преступления не имеет уголовно-правового значения, поскольку оконченное преступление квалифицируется без учета норм о приготовлении и покушении»².

¹ В научной литературе отдельные ученые также не признают оконченное преступление стадией. Так, Г.А. Насимов пишет: «...Традиционное признание оконченного преступления стадией совершения преступления является неверным, поскольку с причинением вреда общественным отношениям, с наступлением преступного результата в его широком понимании заканчивается преступная деятельность, прекращается развитие преступления во времени и пространстве». См.: Насимов Г.А. Неоконченное преступление. С. 27. Поддерживая автора в начальном выводе, позволим себе не согласиться с приведенной аргументацией, поскольку рассмотрение оконченного преступления как «завершающего этапа» как раз полностью подходит под понятие стадий совершения преступления.

² Ситникова А.И. Приготовление к преступлению ... С. 35-36.

В категоричной форме разделяют стадии совершения преступления и виды неоконченной преступной деятельности Н.Ф. Кузнецова¹, А.П. Козлов² и другие ученые.

Однако, несмотря на общность взглядов о необходимости размежевания понятия «стадии совершения преступления» с закрепленными в уголовном законе понятиями приготовления, покушения и оконченного преступления, среди сторонников данной позиции отсутствует единство мнений относительно правовой природы стадий, а также их количественного числа.

Так, Н.Ф. Кузнецова к стадиям совершения преступления относит подготовительные действия и исполнение преступления, а в качестве видов неоконченной преступной деятельности выделяет приготовление и покушение³.

Схожую позицию высказывает М.П. Редин, выделяя в качестве стадий осуществления преступного намерения два этапа – подготовка к преступлению и совершение преступления⁴.

А.П. Козлов указывает: «Стадии совершения преступления – этапы поступательного непрерывного развития преступной деятельности во времени и пространстве с момента возникновения соответствующего психического отношения к деянию и результатам своего поведения до наступления преступного последствия или прерывания преступной деятельности. ... Указанные этапы могут быть дифференцированы относительно условно; условность связана с тем, что трудно провести жесткие границы в целостной структуре преступления»⁵.

Несмотря на кажущееся различие в количестве выделяемых стадий, в их терминологическом обозначении, связующей нитью данных точек зрения выступает связь стадий с процессом совершения преступления (начиная от мыслей и заканчивая их реализацией).

¹ См.: Кузнецова Н.Ф. Ответственность за приготовление к преступлению ... С. 40.

² См.: Козлов А.П. Стадии совершения преступления в уголовном праве. СПб., 2002. С. 35. Подобные утверждения высказывались и другими учеными. См.: Тадевосян Л.З. Неоконченные преступления. С. 27.

³ См.: Кузнецова Н.Ф. Ответственность за приготовление к преступлению ... С. 39-41.

⁴ Цит. по: Козлов А.П. Стадии совершения преступления в уголовном праве. С. 18.

⁵ Там же. С. 36, 40.

Вместе с тем, как указывалось на страницах работы, процесс совершения деяния есть не что иное, как его механизм¹, состоящий из этапов, иллюстрирующих развитие преступления, которые и образуют стадии. Поэтому более верно говорить не просто о стадиях совершения преступления, а о стадиях механизма преступного деяния, выделяемых в его содержании. При этом стадии, обладая как количественными, так и качественными особенностями, присущи любому механизму совершения деяния (умышленному, неосторожному, совершаемому путем действия или путем бездействия и т.д.)².

На основании изложенного полагаем, что стадии механизма преступного деяния – это определенные этапы развития преступления, выделяемые в соответствии с содержанием механизма и заключающиеся в формировании мотивации, планирования и исполнения преступления³.

Подобный вывод актуализирует вопрос относительно правовой природы гл. 6 УК РФ и предназначения понятий приготовления к преступлению, покушения на преступление и оконченного преступления для уголовного законодательства⁴.

Раскрыть взаимодействие стадий механизма и понятий приготовления и покушения возможно только путем анализа сущности каждой стадии и особенностей реализации уголовной ответственности.

Первой стадией механизма выступает мотивация, на которой происходит формирование у лица преступных побуждений.

В научной литературе можно встретить мнение, что в качестве первой стадии необходимо выделять обнаружение замысла либо фор-

¹ Понятие механизма преступного деяния рассматривалось в § 1.1.

² Отдельные стадии в механизме могут отсутствовать (например, в преступлениях, совершаемых по неосторожности, не происходит планирование). Поэтому можно сделать вывод, что каждое преступное деяние обладает различным набором стадий.

³ Стадии механизма преступного деяния существуют только в рамках содержания механизма, отражая эволюционное развитие совершения преступления. В § 1.2 при характеристике содержания механизма нами были выделены основные блоки, расположенные в определенной последовательности. Признание данных блоков стадиями механизма преступного деяния не приводит к тавтологии изложения материала в § 1.2 и 2.1, а, наоборот, позволяет углубить знания о каждом этапе совершения преступления как с содержательной стороны, так и с точки зрения динамического развития преступного деяния.

⁴ Ермакова О.В. Законодательные конструкции составов преступлений и их влияние на определение момента окончания преступления. Барнаул, 2017. С. 17.

мирование преступного умысла¹. Противоречивость предложенной нами стадии в виде возникновения мотивации от обнаружения замысла либо формирования умысла кажущаяся лишь на первый взгляд. Если проанализировать предлагаемое авторами содержание такой стадии, заключающееся в формировании на основе определенных потребностей преступного умысла, то очевидно, что никакого противоречия нет. В § 1.2. настоящего исследования при раскрытии содержания мотивации нами указывалось, что одновременно с мотивацией у лица происходит формирование умысла. Поэтому используемое нами понятие «возникновение мотивации», с одной стороны, полностью охватывает предлагаемые в научной литературе понятия «обнаружение замысла» и «формирование умысла», а с другой – является более широким, поскольку охватывает собой не только умышленные преступления, но и неосторожные.

Однако данная стадия не является преступной, поскольку, исходя из понятия преступления, сами по себе побуждения, не нашедшие отражения в конкретном деянии², не представляют общественной опасности³. Именно по причине отсутствия преступления на стадии мотивации привлечение к уголовной ответственности не осуществляется.

¹ См.: Козлов А.П. Стадии совершения преступления в уголовном праве. С. 42; Тадевосян Л.З. Неоконченные преступления. С. 24.

² В научной литературе мотивация понимается именно как «внутренний (психологический) процесс, не находящий внешнего проявления». См.: Иванов В.Д. Ответственность за покушение ... С. 8.

³ Именно на отсутствие общественной опасности указывается противниками выделения обнаружения умысла в качестве стадии. Так, Н.И. Загородников утверждал, что это «стадия, которая не выражает достаточной степени общественной опасности содеянного и личности». См.: Загородников Н.И. Советское уголовное право. М., 1975. С. 115. Противоположную точку зрения высказывал А.А. Пионтковский: «Голый умысел преследует свои самостоятельные цели и является средством посягательства на охраняемые законом интересы». См.: Курс советского уголовного права: в 6 т. М., 1970. Т. 1. С. 403. По нашему мнению, в представленной дискуссии произошло смешение стадий и признание каждой из них преступной. Как уже отмечалось на страницах работы, с точки зрения этапов развития механизма преступного деяния любое преступление начинается с мотивации, выступающей побудительным «толчком» для определенного поведения. Стадия мотивации присуща любому преступлению, поскольку даже при неосторожном деянии лицо действует или бездействует, не предвидя последствий по каким-то причинам. Когда мы говорим об умышленном преступлении, то на этапе мотивации в сознании лица возникает умысел на совершение деяния, поэтому обнаружение умысла – это составная часть мотивации в умышленных преступлениях. Однако стадия мотивации не является преступной вследствие недостаточной общественной опасности и отсутствия конкретных действий (бездействия).

Второй стадией является планирование и принятие решения, на которой лицо начинает совершать подготовительные действия¹.

Выделенная стадия в научной литературе получила различное терминологическое оформление.

Так, А.П. Козлов именует ее «стадией создания условий»², а Н.Ф. Кузнецова – «стадией подготовки к преступлению»³.

Подобное терминологическое разнообразие вполне допустимо, поскольку каждое из предложенных названий отражает сущность рассматриваемой стадии⁴.

Следует отметить, что стадия планирования присуща не всякому преступлению, что объясняется несколькими обстоятельствами:

- 1) особенностями самого преступного деяния;
- 2) нежеланием субъекта преступления осуществлять подготовительные действия⁵.

Указанные обстоятельства тесно связаны между собой, поскольку именно психическое отношение лица, совершающего преступление, к своим действиям, выражающееся в форме вины, предопределяет потенциальную возможность наличия стадии планирования в определенных преступлениях.

Так, в преступлениях, совершаемых по неосторожности, подготовительные действия невозможны ввиду особенностей психологических процессов, заключающихся в непредвидении наступления преступных последствий.

Также возникает вопрос о возможности приготовительных действий в преступлениях, совершаемых с косвенным умыслом.

¹ В § 1.2 выделялось мысленное и деятельностное планирование. Преступлением считается только совершение деяния, поэтому в данной главе анализу будет подвергаться только вторая разновидность.

² См.: Козлов А.П. Стадии совершения преступления в уголовном праве. С. 35.

³ Курс уголовного права. Общая часть / под ред. Н.Ф. Кузнецовой. М., 2002. Т. 1. С. 361.

⁴ Учитывая, что в рамках данного исследования стадии – это этапы механизма преступного деяния, содержание которого включает такой блок, как планирование преступления, считаем целесообразным с целью терминологического единообразия использовать такое же наименование.

⁵ Например, анализ 300 уголовных дел по преступлениям, предусмотренным ст. 158-163 УК РФ, в которых стадия планирования юридически возможна, показал, что в 268 случаях стадия планирования имела место (89,3%), и лишь в 32 случаях виновное лицо не совершало действий по планированию (11,7%).

В большинстве научных работ авторы, хотя напрямую и не исключают возможность приготовления с косвенным умыслом, однако из предложенного содержания вины можно сделать именно такой вывод.

Так, В.Д. Иванов указывает: «Лицо, совершая приготовление к преступлению, сознает, что эти действия создают условия для совершения задуманного преступления. При этом умысел преступника включает не только сумму приготовительных действий, но и сознание и желание с их помощью совершить конкретное преступление, т.е. добиться намеченной цели»¹.

Анализируя представленную позицию, нетрудно сделать вывод, что используя формулу «осознает – желает», автор имеет в виду исключительно прямой умысел.

Таким образом, особенности подготовительных действий предполагают их совершение исключительно с прямым умыслом.

Вопрос о признании стадии планирования преступной и подлежащей уголовной ответственности в науке уголовного права решался неоднозначно.

Так, С.В. Познышев полагал, что «приготовление не должно быть наказуемым, ибо не объективизирует решимость человека совершить преступление»².

Сторонником ненаказуемости приготовления был А.Ф. Кистяковский, исключением, по его мнению, должны быть случаи, когда приготовление является самостоятельным преступлением³.

Е.В. Благов, напротив, обосновывая наказуемость приготовительных действий, отмечает: «...При совершении приготовления к преступлению создаются все или только некоторые условия для совершения преступления. В последнем случае это могут быть по значению существенные, менее существенные и несущественные условия. Чем более существенные условия для совершения преступления созданы лицом, чем нужнее они и чем объемнее их количество, тем выше степень преступного намерения, а значит, суровее наказание должно быть назначено»⁴.

¹ Иванов В.Д. Ответственность за покушение ... С. 10.

² См.: Познышев С.В. Учебник уголовного права. Общая часть. М., 1923. С. 136. Цит. по: Ситникова А.И. Русские криминалисты о неоконченных видах преступлений. С. 31.

³ См.: Ситникова А.И. Русские криминалисты о неоконченных видах преступлений. С. 22.

⁴ Благов Е.В. Особенности назначения наказания за неоконченное преступление (вопросы дифференциации и индивидуализации). Ярославль, 1994. С. 22.

Учитывая, что преступным могут признаваться только такие деяния, которые представляют общественную опасность, решение вопроса о преступном характере стадии планирования и ее наказуемости необходимо основывать только из способности таких действий причинить вред или создавать возможность причинения вреда.

В своей основе общественная опасность проявляется в способности деяния причинить вред объекту преступления.

В научной литературе можно встретить мнение, что «действия по подготовке к преступлению не создают для объекта непосредственной опасности»¹.

Например, А.И. Ситникова считает, что «приготовительные действия могут быть отделены в пространстве от объекта посягательства. Приготовление может быть начато и завершено без соприкосновения с объектом посягательства и на расстоянии от него»².

Однако, как уже указывалось на страницах работы, приготовительные действия реальную опасность причинения вреда объекту преступления все-таки создают³. Так, например, приобретение отмычки для проникновения в жилище приближает виновное лицо к совершению самого деяния, поэтому создает реальную опасность причинения вреда соответствующим общественным отношениям.

А отдельные приготовительные действия сами по себе обладают повышенной общественной опасностью (например, приобретение оружия), в связи с чем законодатель вправе признать их совершение в качестве самостоятельных оконченных преступлений, переместив момент окончания на стадию планирования.

¹ См.: Церетели Т.В. Причинная связь в уголовном праве. М., 1963. С. 331; Редин М.П. Разграничение приготовления к преступлению и покушения на преступление // Следователь. 1999. № 1 (18). С. 13-14.

² Ситникова А.И. Приготовление к преступлению ... С. 38. Следует отметить очевидную неточность используемой формулировки «*приготовительные действия отдалены в пространстве от объекта посягательства*» (выделено нами. – О.Е.), поскольку объект преступления – это абстрактная категория общественных отношений, которые в реальном пространстве существовать не могут. Очевидно, автор имеет в виду опосредованное влияние приготовительных действий на объект преступления.

³ В.Д. Иванов такую опасность именует «угрозой для непосредственного посягательства», А.П. Козлов указывает на «реальную угрозу причинения вреда общественным отношениям». См.: Иванов В.Д. Ответственность за покушение ... С. 28. Козлов А.П. Стадии совершения преступления в уголовном праве. С. 63.

Однако всякие ли приговорительные действия представляют общественную опасность? И почему законодатель в ч. 2 ст. 30 УК РФ закрепил уголовную ответственность исключительно для приготовления к тяжким и особо тяжким преступлениям?

Для ответа на поставленные вопросы необходимо правильно расставить акценты в определении общественной опасности. В том случае, если рассматривать приговорительные действия с точки зрения совокупности телодвижений человека, без связи с тем преступлением, к которому осуществляется подготовка, то, очевидно, мы придем к выводу, что большинство из них опасность могут и не представлять¹. Однако если опасность тех же самых действий «привязать» к конкретному преступлению, для исполнения которого совершаются приговорительные действия, то характер общественной опасности увеличится в несколько раз. Например, по своей сути не представляют опасности и выглядят «правомерно» осмотр местности, составление чертежа и т.д. Однако стоит эти действия соединить с направленностью на совершение, предположим, убийства, следует однозначный вывод об их повышенной общественной опасности. Поэтому качество опасности придает не только характер самих приговорительных действий, но и их направленность на совершение определенного преступления, посягающего на охраняемые уголовным законом общественные отношения. Поэтому, чем опаснее само преступление, тем большую общественную опасность представляют приговорительные действия к его совершению. Представленные аргументы обосновывают объявление преступными только приготовления к тяжкому и особо тяжкому преступлению (ч. 2 ст. 30 УК РФ).

Признание деятельностного планирования общественно опасным, создающим угрозу причинения вреда охраняемым общественным отношениям, предопределяет необходимость реализации уголовной ответственности на данном этапе механизма.

Вопрос об основании уголовной ответственности при неоконченной преступной деятельности относится к числу дискуссионных.

Разнообразие мнений ученых можно свести к следующим позициям: при неоконченной деятельности отсутствует какой-либо элемент

¹ Исключение составляют отдельные приговорительные действия, которые сами по себе, как верно замечает Н.Д. Дурманов, «...создают серьезную опасность для объекта посягательства». См.: Дурманов Н.Д. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву. С. 72.

состава¹, что «создает особое положение ответственности»²; для уголовного осуждения достаточно, чтобы виновный частично выполнил состав конкретного преступления³; основанием является наличие в действиях лица признаков состава преступления⁴.

Очевидно, что последняя точка зрения воспроизводит действующую редакцию ст. 8 УК РФ, согласно которой «основанием уголовной ответственности выступает совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления».

Но о каком составе преступления следует вести речь? Если имеется в виду состав конкретного преступления, закрепленный в Особенной части, то на стадии планирования виновное лицо еще не приступает к исполнению преступления.

На наш взгляд, ответ на поставленный вопрос кроется в понятии состава преступления, представляющего собой совокупность объективных и субъективных признаков, характеризующих конкретное общественно опасное деяние в качестве преступления⁵.

Совокупность таких признаков представлена законодателем в понятии приготовления к преступлению: приискание, изготовление или приспособление лицом средств или орудий совершения преступления, приискание соучастников преступления, сговор на совершение преступления либо иное умышленное создание условий для совершения преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по независящим от этого лица обстоятельствам (ч. 1 ст. 30 УК РФ)⁶.

Исходя из того, что норма о приготовлении представляет собой модель, состоящую из набора объективных и субъективных признаков, данное понятие необходимо признать законодательной конструк-

¹ В некоторых работах вообще утверждается, что при неоконченном преступлении, как правило, нет состава преступления. См.: Энциклопедия уголовного права. Т. 5. Неоконченное преступление. СПб., 2006. С. 282.

² Трайнин А.Н. Состав преступления по советскому уголовному праву. М., 1951. С. 307-308.

³ Тишкевич И.С. Приготовление и покушение по советскому уголовному праву. М., 1958. С. 8.

⁴ Кузнецова Н.Ф. Значение преступных последствий для уголовной ответственности. М., 1958. С. 159.

⁵ См.: Трайнин А.Н. Общее учение о составе преступления. С. 59-60.

⁶ Следует отметить, что большинство зарубежных уголовных законов не содержит понятие приготовления (исключение составляет УК КНР (ст. 22), УК Украины). По мнению Г.А. Насимова, это объясняется тем обстоятельством, что в большинстве стран Запада расширена формулировка покушения на преступление. См.: Насимов Г.А. Неоконченное преступление. С. 20.

цией состава преступления¹, при помощи которой осуществляется привлечение к уголовной ответственности за совершение действий по планированию как самостоятельной стадии механизма преступного деяния в случае пресечения действий на этом этапе².

Таким образом, стадия планирования и конструкция состава приготовления, закрепленная в ч. 1 ст. 30 УК РФ, соотносятся между собой как преступление и состав преступления³. Первое понятие характеризует преступное деяние, происходящее в реальной жизни, а второе – юридическое выражение данного деяния, заключающееся в совокупности обязательных признаков.

Законодательная конструкция состава приготовления состоит из объективных и субъективных признаков, которые характеризуют стадию планирования. Наличие совокупности данных признаков выступает юридическим основанием уголовной ответственности.

К числу таких признаков относятся:

1. Планирование заключается в конкретных действиях по созданию условий для последующего совершения преступления⁴.

¹ Представление о юридической конструкции как «абстракции, разновидности нормативной модели» было предложено Л.Л. Кругликовым. См.: Кругликов Л.Л., Спиридонов О.Е. Юридические конструкции и символы ... С. 65.

² Следует отметить, что конструкция состава приготовления не является единственной законодательной конструкцией. Так, по мнению В.Н. Кудрявцева, теоретически мыслимы 576 различных конструкций состава, в зависимости от комбинации категорий признаков. См.: Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 1999. С. 77.

³ Использование формулировки «состав оконченного преступления» можно встретить в работе В.Д. Иванова «Ответственность за покушение на преступление» на с. 11; а формулировки «состав приготовления» и «состав покушения» использует В.С. Прохоров. См.: Курс советского уголовного права / авт. кол.: В.К. Глистин, Н.П. Грабовская, В.С. Прохоров и др.; отв. ред. Н.А. Беляев. Л., 1968. Т. 1. С. 250.

⁴ Несколько иначе понимает объективную сторону приготовления В.Д. Иванов, который указывает: «...Являясь внешним проявлением умысла на совершение преступления, приготовительные действия находятся в тесной взаимосвязи с действиями, направленными на непосредственное совершение преступления, и образуют объективную сторону, предусмотренную статьями Особенной части УК» (выделено нами. – О.Е.). См.: Иванов В.Д. Ответственность за покушение ... С. 10. Позволим обратить внимание на некую неточность данного высказывания, поскольку при совершении приготовительных действий лицо еще не выполняет объективную сторону какого-либо преступления, соответственно, указанная позиция чрезмерно расширяет границы объективной стороны приготовления.

Н.Д. Дурманов подчеркивает: «При каких бы то ни было приготовительных действиях нет еще самого осуществления действий, непосредственно приводящих к результату. Так, если сапожник приобретает материал, приводит в порядок инструменты, это еще не означает, что он начинает починку сапог»¹.

В части 1 ст. 30 УК РФ, закрепляя конструкцию приготовления, законодатель избрал путь перечисления возможных действий в таком виде: «изготовление, приспособление, приискание средств и орудий совершения преступления, приискание соучастников, сговор на совершение преступления или иное умышленное создание условий». Подобный законодательный подход представляется нерациональным, поскольку приготовительные действия настолько разнообразны, что перечисление полного перечня невозможно, а отбор отдельных разновидностей достаточно затруднителен. Соответственно, наиболее верным будет использование общей формулировки «совершение умышленных действий, заключающихся в создании условий»².

А.П. Козлов указывает на еще одно несовершенство такой законодательной формулировки, как «создание условий для совершения преступления», заключающееся в том, что «создание условий и совершение преступления логически разрываются во времени и пространстве»³. Если руководствоваться логикой автора, то корректировать необходимо большинство норм гл. 6 УК РФ, поскольку такие формулировки, как «приготовление к преступлению» (ч. 1 ст. 30 УК РФ), «покушение на преступление» (ч. 3 ст. 30 УК РФ), «уголовная ответственность наступает за приготовление к тяжкому и особо тяжкому преступлению» (ч. 2 ст. 30 УК РФ) (выделено нами. – О.Е.) терминологически оформлены по такому же принципу.

Полностью поддерживая стремление А.П. Козлова придать уголовному закону ясность, четкость и недвусмысленность⁴, полагаем,

¹ Дурманов Н.Д. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву. С. 63. Схожие аргументы приводятся и другими авторами. Например, Г.А. Насимов приводит следующий пример: «Лицо готовится совершить убийство. В этих целях приобретает нож. Однако факт приобретения ножа не составляет объективную сторону убийства». См.: Насимов Г.А. Неоконченное преступление. С. 55.

² В научной литературе также подчеркивается, что «основная черта приготовительных действий – создание условий для непосредственного совершения оконченного преступления». См.: Иванов В.Д. Ответственность за покушение ... С. 10.

³ Козлов А.П. Стадии совершения преступления в уголовном праве. С. 52.

⁴ Там же. С. 54.

что используемые в гл. 6 УК РФ формулировки не свидетельствуют о разрыве во времени между созданием условий и совершением преступления, а также не отдалают приготовление и покушение от самого преступления. Доказательство такого утверждения кроется в систематическом толковании уголовного закона. Так, в ч. 2 ст. 29 УК РФ (а именно это норма одна из первых в гл. 6 УК РФ) законодатель изначально четко обозначает: «Неоконченным преступлением признаются приготовление к преступлению и покушение на преступление». Тем самым по прямому указанию закона действия по приготовлению и покушению признаются преступлением, а начало их осуществления – совершением преступления.

2. Действия по планированию всегда направлены на причинение вреда определенному объекту преступления. Однако, как уже указывалось в § 1.2, приготовительные действия не причиняют вреда охраняемым общественным отношениям в силу их отдаленности от самого преступления, но создают угрозу его причинения.

3. Уголовная ответственность за деятельностное планирование, когда это самостоятельная стадия механизма преступного деяния, наступает только в случае недоведения данных действий до конца по независящим от лица обстоятельствам.

4. Стадия планирования осуществляется исключительно с умышленной формой вины.

Таким образом, приготовление к преступлению, закрепленное в ч. 1 ст. 30 УК РФ, представляет собой законодательную конструкцию состава преступления, состоящую из объективных и субъективных признаков. Данная конструкция служит основанием уголовной ответственности тех деяний, которые в механизме своего развития были прерваны на стадии планирования по независящим от лица обстоятельствам.

Последней стадией механизма преступного деяния является исполнение преступления, на которой лицо уже приступает к совершению самого деяния.

«Под исполнением, – указывает А.Н. Круглевский, – следует разуметь воплощение представляемого явления в действительности или факт существования реального явления, соответствующего признакам представляемого явления»¹.

¹ Цит. по: Козлов А.П. Стадии совершения преступления в уголовном праве. С. 66.

В отличие от стадии планирования стадия исполнения присутствует в механизме любых деяний, за исключением тех, которые были прерваны на стадии планирования по независящим от лица обстоятельствам.

Данная стадия начинается с совершения деяния, а заканчивается наступлением результата, поэтому количество этапов, ее характеризующих, может быть различным¹.

Каждому преступлению присущ только первый этап, заключающийся в совершении деяния.

Учитывая, что деяние может проявляться как в форме действия, так и в форме бездействия, в зависимости от особенностей поведения субъекта при совершении деяния, механизмы следует классифицировать на активный (состоящий из действий) и пассивный (представляющий бездействие).

В свою очередь на уровне активного механизма, в зависимости от сложностей человеческого деяния, все механизмы можно разделить на виды:

- 1) механизм, заключающийся в совершении одного действия;²
- 2) механизм, представляющий собой операцию;
- 3) механизм, представляющий собой деятельность.

Второй и третий вид механизмов можно объединить единым названием – сложный механизм.

В отличие от стадии планирования, прерывание деяния на стадии совершения деяния по независящим от лица обстоятельствам должно влечь уголовную ответственность во всех случаях. Это связано с тем, что действия по исполнению преступления обладают большей общественной опасностью по сравнению с подготовительными действиями. Кроме того, на данном этапе может иметь место непосредственное причинение вреда объекту преступления.

Основанием уголовной ответственности в случае прерывания преступных действий на этапе исполнения преступления выступает совершение действий (бездействия), содержащих признаки состава преступления.

Такие признаки закреплены в понятии покушения на преступление (ч. 3 ст. 30 УК РФ), под которым понимается совершение действий (бездействия), непосредственно направленных на совершение

¹ Этапы стадии исполнения деяния в дальнейшем будут именоваться стадиями совершения деяния и наступления результата.

² Такой механизм следует именовать простым.

преступления, не доведенных до конца по независящим от лица обстоятельствам¹.

Таким образом, покушение на преступление, так же как и приготовление, – это законодательная конструкция состава преступления, представляющая собой совокупность объективных и субъективных признаков. Предназначение данной конструкции заключается в том, что она представляет собой юридическое основание уголовной ответственности в случае прерывания преступной деятельности на стадии исполнения преступления².

Учитывая, что конструкции «приготовления» и «покушения на преступление» предусматривают уголовную ответственность за деяние, которое было прервано, в обобщенном виде их можно объединить в конструкцию «неоконченного преступления»³.

Следует отметить, что законодательная формулировка понятия покушения на преступление вызывает критику в научной литературе. Так, Е.В. Благов отмечает: «...Особенность покушения на преступле-

¹ В науке уголовного права покушение предлагается разделять на оконченное и неоконченное. Оконченное покушение характеризуется тем, что «объективная сторона выполнена полностью, но умысел субъекта не реализован до конца по независящим от него обстоятельствам. При неоконченном покушении объективная и субъективная стороны не реализованы до конца». См.: Ситникова А.И. Приготовление к преступлению ... С. 42. Думается, подобное деление на законодательную конструкцию покушения влиять не должно, поскольку набор признаков, в нее входящих, для всех разновидностей покушения одинаков, а может учитываться только при индивидуализации наказания судом по своему усмотрению.

² Раскрытие покушения на преступление через такую стадию, как исполнение преступления, можно встретить в зарубежном уголовном законодательстве. Например, УК Франции в ст. 121-5 закрепляет: «Попытка совершения преступления имеет место тогда, когда явно выражена *началом исполнения*, она была прервана...» (выделено нами. – О.Е.). См.: Уголовный кодекс Франции / науч. ред. Л.В. Головки, Н.Е. Крылова. СПб., 2002.

³ В научной литературе также встречается понятие «предварительная преступная деятельность». См.: Дурманов Н.Д. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву. Однако термин «предварительная» создает впечатление, что такая деятельность осуществляется до самого преступления, что, в частности, не соответствует содержанию понятия покушения на преступление. Несколько иная аргументация нецелесообразности указания на «предварительную деятельность» представлена в работе В.Д. Иванова. По его мнению, данное понятие означает «нечто предшествующее чему-либо. Приготовление и покушение не предшествуют преступной деятельности, а так же, как и оконченное преступление, являются общественно опасной преступной деятельностью». См.: Иванов В.Д. Ответственность за покушение ... С. 13.

ние заключается, согласно закону, в непосредственной направленности действий лица на совершение преступления. Однако такие действия могут осуществляться только до начала совершения преступления, что характерно не для покушения на преступление, а для приготовления к преступлению. Представляется оптимальным считать, что покушением на преступление признается незавершенное или не повлекшее наступления желаемого последствия действие или бездействие *по непосредственному совершению умышленного преступления*¹ (выделено нами. – О.Е.).

Соглашаясь с критикой использования в законе абстрактной формулировки «непосредственно направленных на совершение преступления»², считаем, что предложенная дефиниция покушения в качестве действий по непосредственному совершению умышленного преступления также не отличается однозначностью своего толкования. Так, например, можно ли признать приход к месту совершения преступления, ожидание потерпевшего для реализации своего намерения, в качестве действий по непосредственному совершению преступления, или же такие действия следует рассматривать в качестве создания условий?

Правильное решение поставленного вопроса зависит от четкости описания отличительного признака конструкций состава приготовления и покушения в уголовном законе.

По нашему мнению, в качестве такого признака должна выступать объективная сторона составов приготовления к преступлению и покушения на преступление³.

¹ Благов Е.В. Особенности назначения наказания ... С. 23-24.

² Абстрактность используемой законодателем формулировки «непосредственно направленных на совершение преступления» также подтверждается анализом научной литературы. Так, В.Д. Иванов отмечает: «Наличие у субъекта сформировавшегося умысла на совершение преступления и проведение им подготовительных действий, направленных на его осуществление, свидетельствуют о том, что он приступил к *непосредственному совершению преступления*» (выделено нами. – О.Е.). См.: Иванов В.Д. Ответственность за покушение ... С. 32. Очевидно, автор уже распространяет данную формулировку не только на покушение, но и на подготовительные действия, что полностью ликвидирует грань между указанными конструкциями.

³ Именно такое отличие приготовления и покушения приводится в научной литературе, хотя и без связи с составом преступления. См.: Герцензон А.А. Уголовное право. Часть общая. С. 353. Рассмотрение же приготовления к преступлению и покушения на преступление в качестве конструкций составов преступлений позволяет выделять как объективные, так и субъективные признаки.

Так, объективная сторона состава приготовления заключается в любых действиях по созданию условий, но при этом лицо не выполняет те действия, которые образуют объективную сторону конкретного состава преступления.

Конструкция состава покушения, наоборот, предполагает совершение действий, относящихся к объективной стороне конкретного состава преступления.

Исходя из этого, конструкцию состава покушения можно сформулировать следующим образом: это совершение действия (бездействие), образующее объективную сторону конкретного состава преступления, не доведенное до конца по независящим от лица обстоятельствам.

Предложенное определение умышленно не содержит указания на преступные последствия, поскольку стадия исполнения преступления может привести к наступлению преступного результата, однако в том случае, если данные последствия не совпадают с последствиями, указанными законодателем в конкретном составе преступления, содеянное будет образовывать покушение на преступление¹.

Закрепление объективной стороны в качестве признака, разделяющего конструкции составов приготовления и покушения, позволит унифицировать судебную практику. В частности, приведенные нами примеры пограничных деяний смогут получить однозначное решение. Так, если лицо только приезжает на место преступления и поджидает потерпевшего, конкретных действий, входящих в объективную сторону, оно еще не совершает, то такая совокупность признаков соответствует конструкции состава приготовления.

Правильность представленного вывода подтверждается и судебной практикой. Например, по делу Т. судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР указала, что прибытие Т. к месту совершения преступления с целью изнасилования потерпевшей направлено на обеспечение возможности совершения этого преступ-

¹ О возможности «наступления последствий при покушении» указывалось в научной литературе. См.: Благов Е.В. Особенности назначения наказания ... С. 20. Однако обратим внимание на некоторую терминологическую неточность. Как указывалось на страницах работы, последствия при покушении наступить не могут, поскольку последнее является лишь законодательной конструкцией. Последствия же наступают на стадии исполнения преступления, на определенном этапе механизма совершения деяния.

ления и потому эти действия следует расценивать как приготовление к изнасилованию¹.

Аккумулированные в составе покушения на преступление признаки позволяют составить более подробное представление о стадии совершения деяния:

1. На стадии исполнения лицо приступает к совершению действий (бездействия), направленных на причинение вреда конкретному объекту преступления. В отличие от стадии планирования при исполнении преступления имеется непосредственная связь между совершаемым деянием и его влиянием на объект преступления.

Так, В.Д. Иванов подчеркивает: «...Являясь преступным посягательством, покушение на преступление, в какой бы форме оно ни выражалось, всегда связано с объектом посягательства»² (следует оговориться, что в рамках представленного соотношения стадий механизма преступного деяния и конструкций составов приготовления, покушения и оконченного преступления, более уместно говорить о связи стадии совершения деяния на объект посягательства).

При этом причинение вреда объекту на стадии совершения деяния может проявляться различным образом:

- реальное причинение вреда общественным отношениям³;
- угроза наступления вреда⁴;
- причинение иного вреда, который не охватывался умыслом виновного лица⁵.

Таким образом, уяснение объекта посягательства, соответствующего направленности умысла виновного, имеет принципиально важное значение, поскольку объект преступления предопределяет характер тех действий, которые необходимо совершить.

¹ Бюллетень Верховного Суда СССР. 1986. № 3. С. 21-23.

² Иванов В.Д. Ответственность за покушение ... С. 33.

³ В этом случае стадия наступления результата по времени будет совпадать со стадией совершения деяния.

⁴ Такая ситуация имеет место при неоконченном покушении, когда виновный еще не выполнил всех запланированных действий, необходимых для наступления преступного результата либо используемая законодателем конструкция не связывает юридический момент окончания преступления с реальным причинением вреда.

⁵ Случаи причинения вреда объекту при направленности умысла на иной объект в научной литературе именуется ошибкой в объекте.

2. Стадия исполнения всегда проявляется в совершении действий (либо бездействии), образующих объективную сторону конкретного состава преступления.

Как верно указывает Г.В. Тимейко, «от правильного определения границ преступного действия зависит определение стадий развития умышленного преступления...»¹. Другими словами, начальный момент преступного действия позволяет определить начало исполнения и отграничить данную стадию от планирования².

Несмотря на значимость данного вопроса, его нельзя отнести к числу разработанных. В этой части следует согласиться с А.П. Козловым, утверждающим, что «теория уголовного права на сегодня не способна очертить пределы деяния-исполнения»³.

Начальным моментом преступного действия, по мнению Г.В. Тимейко, является «тот момент, когда совершенные телодвижения приобретают черты общественной опасности и уголовной противоправности»⁴. Позволим себе не согласиться с подобной обобщенной формулировкой, которая не позволяет отграничить действия, образующие конструкцию приготовления, от действий, свидетельствующих о покушении. Так, многие приготовительные действия уже представляют общественную опасность и к тому же могут сами по себе образовывать конкретный состав преступления.

По нашему мнению, при определении начального момента совершения действия, образующего объективную сторону, следует руководствоваться двумя правилами:

- 1) действия должны непосредственно воздействовать на конкретный объект преступления с целью причинения ему вреда;
- 2) совершенные действия необходимо соотнести с описанием объективной стороны конкретного состава преступления в нормах Особенной части УК РФ⁵.

Таким образом, только совершение первых телодвижений по исполнению конкретного состава преступления, воздействующих на

¹ Тимейко Г.В. Общее учение об объективной стороне преступления. С. 42.

² В свою очередь, правильное определение стадии в механизме позволит осуществить привлечение к уголовной ответственности.

³ Козлов А.П. Стадии совершения преступления в уголовном праве. С. 66.

⁴ См. Тимейко Г.В. Общее учение об объективной стороне преступления. С. 43.

⁵ Данное правило в несколько ином варианте предложено А.П. Козловым. В частности, автор, определяя начало деяния-исполнения, указывает, что оно «должно отражать специфику вида преступления». См.: Козлов А.П. Стадии совершения преступления в уголовном праве. С. 92.

определенный объект, может свидетельствовать о начале преступного действия.

В ряде конкретных составов преступлений законодатель четко описывает преступное действие, и определение начального момента его совершения трудностей не вызывает. Например, в составе террористического акта (ст. 205 УК РФ) начало действий, образующих объективную сторону, определяется как совершение взрыва, поджога и иных действий¹.

Однако при описании отдельных конкретных составов преступлений не всегда возможно четко описать начало преступного действия. Например, действия, направленные на причинение смерти, могут быть настолько разнообразны, что законодатель при конструировании состава убийства не конкретизирует их. В этом случае установить начало преступного действия возможно только путем толкования уголовного закона, функцию по осуществлению которого в настоящее время взял на себя Пленум Верховного Суда Российской Федерации.

В качестве критерия, позволяющего установить начало исполнения деяния, по мнению А.П. Козлова, выступает соответствие деяния «специфике замысла лица»².

Однако нами подобный критерий не выделяется по следующим соображениям. Вопрос о начале исполнения деяния должен рассматриваться в рамках конкретного вида преступления. Иначе говоря, нет смысла проводить рассуждения о начале абстрактного преступления. В том же случае, если разновидность преступления уже определена, то априори установлен и умысел лица на совершение действий по исполнению именно конкретного преступления.

Исполнение преступления может состоять не только в действии, но и в бездействии.

Г.В. Тимейко начало совершения бездействия связывает с моментом, «когда в объективной реальности возникла угроза причинения вреда или начал причиняться вред объекту»³. Позволим не согласиться с мнением автора по следующим основаниям. Во-первых, используемое нами толкование бездействия через категорию действия с отрицательным значением предопределяет необходимость связывать начало совершения бездействия с моментом невыполнения действия.

¹ В Особенной части УК РФ насчитывается около 260 составов с конкретным описанием деяния.

² См.: Козлов А.П. Стадии совершения преступления в уголовном праве. С. 92.

³ Тимейко Г.В. Общее учение об объективной стороне преступления. С. 43.

Во-вторых, предлагаемое автором определение начала бездействия через причинение вреда объекту свидетельствует об одномоментном понимании начала и окончания бездействия, поскольку при наступлении вреда объекту уже наступают преступные последствия.

По нашему мнению, начальным моментом преступного бездействия, образующего стадию исполнения, следует считать момент невыполнения тех действий, которые лицо обязано было совершить. Такой момент, по верному замечанию Г.В. Тимейко, должен характеризоваться только невыполнением юридически обязательных действий, когда они стали «объективно необходимыми и реально возможными»¹. Например, при убийстве, совершаемом путем бездействия, необходим момент несовершения лицом обязательных для него действий (например, отказ матери кормить ребенка для причинения ему смерти).

Помимо начального момента деяния, установлению подлежит и конечный момент деяния, который не находит однозначного понимания в науке уголовного права.

Так, по мнению одних авторов, конечный момент посягательства должен связываться с ущербом, причиняемым объекту. Очевидно, что сторонники данной позиции объединяют конечный момент действия и наступление преступного результата в единое целое, что в принципе не совсем верно, поскольку такое правило определения конечного момента «работает» далеко не во всех случаях. В частности, такое «несовпадение» имеет место в преступлениях, где деяние и последствия отдалены друг от друга во времени (например, лицо отправляет посылку с ядом, и потерпевший, получив посылку и употребив ее, умирает).

Наиболее верно утверждение тех авторов, которые связывают завершение активной формы деяния либо с последним актом телодвижений, либо с моментом наступления последствий².

Момент завершения бездействия должен связываться с моментом, когда отпадает необходимость или устраняется возможность предотвратить вред³. Такая необходимость может прекращаться по различным основаниям, связанным с наступлением последствий, изданием акта об амнистии и т.д.

¹ Тимейко Г.В. Общее учение об объективной стороне преступления. С. 63.

² Там же. С. 22-23, 43.

³ Там же. С. 63. Аналогичного мнения придерживается В.Н. Кудрявцев. См.: Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. С. 95.

Заключительным этапом в механизме преступного деяния выступает наступление результата.

В.Н. Кудрявцев приравнивает преступный результат к преступной цели, которую преследует виновный¹.

Однако цель не характерна для преступлений, совершаемых по неосторожности, следовательно, предложенная автором формула «цель – достигнутый результат» не является универсальной.

В § 1.2 при детальном анализе понятия преступного результата предлагалось его содержание связывать с теми негативными изменениями, которые произошли в объекте после совершения деяния.

Выделение в содержании стадии исполнения таких элементов, как совершение деяния и наступление результата, достаточно условно, поскольку нельзя утверждать, что в каждом преступлении деяние и результат происходят в разных временных отрезках и сменяют друг друга. Поэтому следует выделять три различные модели стадии исполнения:

Первая модель представляет собой ситуацию, в которой деяние и результат отдалены друг от друга во времени, что позволяет провести четкое разграничение между конечным моментом деяния и наступившим результатом. В качестве примера преступления с такой моделью выступает убийство, в котором удар ножом и наступление смерти могут быть отдалены друг от друга во времени.

Вторая модель является наиболее распространенной и заключается в том, что конечный момент деяния и преступный результат во времени совпадают. Например, при изнасиловании с момента полового сношения наступает результат в виде нарушения половой неприкосновенности и половой свободы личности.

Третья модель характеризует механизм тех преступлений, которые не завершились наступлением результата.

По общему правилу механизм любого преступного деяния развивается до наступления результата, который свидетельствует о фактическом окончании деяния (исключения составляют те случаи, когда деяние прервано по причинам, зависящим либо не зависящим от виновного лица). Именно поэтому следует согласиться с В.Д. Филимоновым, утверждающим: «Каждое преступление причиняет вред личности, обществу или государству»².

¹ См.: Кудрявцев В.Н. Механизм преступного поведения. С. 227.

² Филимонов В.Д. Норма уголовного права. С. 112.

Однако законодатель, конструируя состав преступления, может перенести момент окончания преступления на стадии, предшествующие наступлению результата. В таких составах преступление будет признаваться юридически оконченным даже при ненаступлении преступного результата в механизме совершения деяния.

Как верно отмечает С.В. Землюков, «...нет сомнения в том, что установление момента окончания преступления до фактического наступления преступного вреда является достаточно распространенным приемом законодательной техники»¹.

Способность законодателя балансировать моментом окончания преступления при помощи средств юридической техники, переноса его на различные этапы механизма преступного деяния, привела к необходимости различать юридический и фактический момент окончания преступления². А в период действия нового уголовного законодательства в науке уголовного права были высказаны предложения по законодательному закреплению понятия «момент фактического окончания преступления»³.

Объяснение этого феномена кроется в сложной структуре самого объекта преступления, включающей в себя охраняемое общественное отношение и охраняющее⁴. Степень поражения объекта уголовно-правовой охраны, получающая отражение в составе преступления, может быть различной. Если бы в каждый состав преступления включался как вред охраняемому общественному отношению, так и вред

¹ Филимонов В.Д. Норма уголовного права. С. 63.

² На различия фактического и юридического момента окончания преступления обращалось внимание еще в 70-е гг. XX в. См.: Курс советского уголовного права. Часть Общая. Т. 2 / отв. ред. Н.А. Беляев, М.Д. Шаргородский. Л., 1970. С. 392; Курс советского уголовного права. Часть Общая. Т. 2 / под ред. А.А. Пионтковского, П.С. Ромашкина, В.М. Чиквадзе. М., 1970. С. 413; Землюков С.В. Уголовно-правовые проблемы преступного вреда. С. 60-68. Различие юридического и фактического момента окончания также присуще зарубежному уголовному праву. Так, в немецкой доктрине «различаются окончание деяния при выполнении всех признаков преступления и окончание деяния в материальном смысле, завершение событий». См.: Жалинский А.Э. Современное немецкое уголовное право. М., 2004. С. 249.

³ Например, С.Ф. Милуков, критикуя современное определение времени совершения преступления, данное в ч. 2 ст. 9 УК РФ, считал необходимым связать его с фактическим окончанием преступления, включая наступление предусмотренных законом последствий. См.: Милуков С.Ф. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа. СПб., 2000. С. 48.

⁴ Более подробно о вреде объекту преступления см. в § 1.2.

охраняющему отношению, то момент фактического окончания преступления и момент его юридического окончания совпадали бы. Однако в силу разных причин делается это далеко не всегда. Вред, причиняемый охраняющему общественному отношению и выражающийся в его разрыве, действительно находит свое отражение в любом составе преступления через описание самого общественно опасного деяния (в узком смысле слова), тогда как вред, причиняемый охраняемому общественному отношению и материализующийся в поддающихся установлению общественно опасных последствиях, вводится законодателем в конкретные составы преступлений в качестве самостоятельного признака объективной стороны весьма избирательно. Именно поэтому некоторые преступления, юридически завершившись в момент причинения вреда охраняющему общественному отношению, фактически становятся оконченными лишь в момент причинения вреда охраняемому общественному отношению, т.е. в момент наступления материализованных общественно опасных последствий, находящихся за пределами состава преступления. Так, разбой, будучи преступлением против собственности, юридически считается оконченным с момента нападения в целях хищения чужого имущества, совершенного с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, или угрозой такого насилия, фактически же он оказывается завершенным лишь с момента причинения вреда собственности как охраняемому общественному отношению.

В научной литературе было высказано и другое мнение о возможном соотношении во времени моментов фактического и юридического окончания преступления. В частности, М.И. Федоров по этому поводу писал: «Может быть такое положение, когда фактическое окончание преступления наступит значительно раньше юридического. Так, смерть потерпевшего, наступившая спустя продолжительное время после причинения ему опасного для жизни повреждения, является обязательным признаком оконченного умышленного или неосторожного убийства. Однако фактически преступление следует считать оконченным с момента нанесения повреждений...»¹. С такой позицией трудно согласиться, поскольку здесь речь идет не о моменте фактического окончания преступления в целом, а о моменте окончания деяния, понимаемого в узком смысле слова, т.е. о моменте завершения действия лица. Между тем, как справедливо отмечает

¹ Курс советского уголовного права. Часть Общая. Т. 2 / отв. ред. Н.А. Беляев, М.Д. Шаргородский. С. 392.

В.Н. Кудрявцев, «когда действие (бездействие) закончилось, но преступные последствия еще не наступили (например, субъект произвел выстрел, но пуля еще не попала в цель), объективную сторону преступления еще нельзя признать оконченной»¹. Таким образом, момент фактического окончания преступления, определяемый причинением вреда охраняемому общественному отношению, не следует смешивать с моментом прекращения или прерывания преступной деятельности (бездеятельности) лица².

Вместе с тем между юридическим и фактическим моментом окончания преступления прослеживается тесная связь, заключающаяся в том, что именно фактический момент окончания преступления, отождествляясь с наступлением результата, оказывает влияние на законодательное определение юридического момента окончания.

¹ Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. С. 16.

² Особое значение это обстоятельство имеет применительно к продолжаемым и длящимся преступлениям. Если применительно к другим преступлениям указанные выше моменты (фактического окончания и прерывания либо прекращения преступного поведения лица) обычно совпадают (причинив вред охраняемому уголовным правом объекту, лицо прекращает свою деятельность в рамках данного конкретного преступления), то длящиеся и продолжаемые преступления являются исключением из этого правила. Момент их прекращения (по воле лица) или прерывания (против воли лица) во времени может далеко выходить за пределы момента причинения вреда не только охраняемому общественному отношению, но и охраняемому общественному отношению. Иначе говоря, он может наступать гораздо позднее даже момента фактического окончания преступления. Например, уклонение от уплаты налогов, предусмотренное ст. 198 и 199 УК РФ, в соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда РФ № 64 от 28 декабря 2006 г. «О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления», юридически и фактически считается оконченным с момента фактической неуплаты налогов в срок, установленный налоговым законодательством. Именно в этот момент причиняется вред охраняемому общественному отношению как подсистеме объекта, наступают общественно опасные последствия в виде имущественного ущерба бюджетной системе РФ, заключающегося в неполучении должного. Прекращение преступного бездействия, предпринятое лицом после этого и выражающееся в уплате налогов, нельзя считать моментом фактического окончания этого преступления в изложенном его понимании. Конечно, в любой момент бездействия-уклонения преступление может расцениваться как фактически оконченное, т.е. причинившее вред охраняемому уголовным законом общественному отношению. Но это не значит, что любой момент бездействия в длящемся преступлении и есть момент его фактического окончания. Таковым является только начальный момент этого бездействия.

С учетом разницы между юридическим и фактическим моментами окончания преступления и различий в уголовно-правовом значении этих моментов в научной литературе, при употреблении проанализированных выше понятий следовало бы уточнять, о каком моменте окончания преступления идет речь и какого рода последствия преступления (вред охраняемому или охраняющему общественному отношению), связываемые с моментом окончания, имеются в виду. Иначе трудно судить о правильности высказываемых положений. Так, Н.Ф. Кузнецова, обращаясь к понятию оконченного преступления, данному в ст. 29 УК РФ, указывает, что концом преступления является наступление общественно опасного последствия. Очевидно, что в данном случае имеется в виду юридически завершенное преступление (преступление, содержащее все признаки состава). Однако если под последствиями понимать материализованный вред, причиняемый охраняемому общественному отношению, то согласиться с автором нельзя, поскольку такой вред входит не во все составы и, следовательно, невозможно отождествлять с ним момент юридического окончания любого преступления¹.

Значение же юридического момента окончания преступления заключается в том, что его установление позволяет признать преступление оконченным, предполагающим наличие в совершенном лицом деянии всех признаков состава преступления, предусмотренного УК РФ (ч. 1 ст. 29 УК РФ)².

Неразрывная связь оконченного преступления и момента окончания преступления демонстрирует несовершенство законодательного определения оконченного преступления, которое не содержит указания на момент окончания, что позволяет согласиться с утверждением

¹ Ермакова О.В. Момент окончания преступлений против собственности: закон, теория, практика. М., 2013. С. 19-20.

² Вместе с тем в науке уголовного права высказаны доводы о необходимости корректировки указанного понятия. Так, А.И. Ситникова отмечает такой недостаток законодательной формулировки, как отсутствие указания на субъективную направленность преступного деяния. См.: Ситникова А.И. Приготовление к преступлению ... С. 102. Не отрицая возможности совершенствования ч. 1 ст. 29 УК РФ, полагаем, что признаки субъективной стороны уже включены в состав преступления, соответственно, законодательная формулировка «содержатся все признаки состава преступления» автоматически включает указание на субъективные признаки.

Ю. Демидова о его непригодности «для практического решения вопроса о моменте окончания преступления»¹.

В связи с этим считаем необходимым дополнить ч. 1 ст. 29 УК РФ и под окончанным преступлением понимать «деяние, в котором нашел отражение юридический момент окончания преступления, а также содержатся все обязательные признаки состава преступления, предусмотренные уголовным законом».

Еще одним недостатком дефиниции оконченного преступления, по мнению А.И. Ситниковой, выступает «отсутствие указания на субъективную направленность преступного деяния»². «Привязка» понятия оконченного преступления исключительно к преступлениям, совершаемым с прямым умыслом, является достаточно традиционной для сторонников «классического» понимания стадий совершения преступления³.

Так, если не существует окончанных преступлений, совершаемых по неосторожности, то почему абсолютное большинство ученых, анализируя конкретные составы неосторожных преступлений в Особенной части, рассматривают вопрос о признании того или иного преступления окончанным?⁴ И какой характеристикой с точки зрения этапов своего развития в этом случае обладают неосторожные преступления?

Ответов на эти вопросы сторонники рассмотрения оконченного преступления исключительно для преступлений, совершаемых с прямым умыслом, не дают, что связано, по мнению А.П. Козлова, с догмой невозможности стадий в неосторожных преступлениях⁵.

¹ Демидов Ю. Понятие оконченного преступления // Советская юстиция. 1966. № 16. С. 21. На значимость момента окончания в дефиниции оконченного преступления указывали и другие ученые. См.: Иванчина С.А. Оконченное преступление. М., 2013. С. 58-59.

² Ситникова А.И. Приготовление к преступлению ... С. 102.

³ См.: Уголовное право РФ. Общая часть / под ред. Б.В. Здравомыслова. М., 2002. С. 230; Герцензон А.А. Уголовное право. Часть общая. С. 345-346; Кузнецова Н.Ф. Ответственность за приготовление к преступлению ... С. 38 (несмотря на то, что Н.Ф. Кузнецову нельзя отнести к числу сторонников «традиционного» понимания стадий, оконченное преступление она рассматривает только как умышленное преступление).

⁴ См.: Комментарий к Уголовному кодексу РФ / под ред. К.А. Барышева, Ю.В. Грачева, Г.А. Есакова. М., 2015. С. 153, 407 и др.; Комментарий к Уголовному кодексу РФ для работников прокуратуры / под ред. В.В. Малиновского, А.И. Чучаева. М., 2011. С. 699, 770 и др.

⁵ См.: Козлов А.П. Учение о стадиях преступления. СПб., 2002. С. 132.

Как уже отмечалось, признание оконченного преступления последней стадией развития преступного деяния явно не соответствует смысловому значению оконченности деяния, предполагающему «прекращение развития преступления во времени и пространстве»¹, поскольку при наступлении момента юридического окончания преступления механизм преступного деяния не завершается (имеются в виду случаи несовпадения юридического и фактического момента окончания). Например, признание разбоя юридически окончанным в момент нападения, совершенного с применением насилия, опасного для жизни и здоровья², не означает завершения преступных действий в механизме данного деяния, а, как показывает анализ судебной практики, чаще всего после нападения процесс совершения деяния продолжается изъятием имущества, его дальнейшим распоряжением. В связи с тем, что оконченное преступление не отражает процесс совершения деяния, его не следует признавать стадией совершения преступления.

По нашему мнению, аналогично приготовлению и покушению, оконченное преступление является не чем иным, как законодательной конструкцией состава преступления, сущность которой заключается в наступлении момента юридического окончания преступления, в котором в совершенном деянии оказываются представлены все признаки состава преступления³.

Поскольку в составе каждого преступления, независимо от формы вины, регламентируется юридический момент окончания, то очевидно, что оконченными могут признаваться как умышленные, так и неосторожные преступления.

В том же случае, если механизм совершения деяния по оси своего развития еще дошел до той стадии, которая объявлена законодателем окончанным преступлением, применению подлежат конструкции составов приготовления или покушения на преступление.

¹ Козлов А.П. Стадии совершения преступления в уголовном праве. С. 127.

² О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 2. С. 3.

³ Понимание оконченного преступления как конструкции состава представлено А.Г. Безверховым, Д.В. Решетниковой. См.: Безверхов А.Г. О проблеме конструирования составов преступлений по моменту окончания // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2012. № 1. С. 70-78; Решетникова Д.В. Конструирование составов преступлений по моменту окончания: вопросы законодательной техники и судебной практики: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2012. С. 53.

При этом необходимо помнить, что состав приготовления к преступлению может существовать только на стадии планирования, когда лицо еще не совершает действия по исполнению объективной стороны конкретного состава преступления, закрепленного в Особенной части УК РФ.

В свою очередь, состав покушения может применяться только на стадии исполнения преступления в следующих случаях:

1) при прерывании преступной деятельности на этапе совершения деяния до наступления момента юридического окончания преступления;

2) при ненаступлении преступного результата, необходимого для юридического окончания преступления.

Признание покушения на преступление не стадией совершения преступления, а юридической конструкцией актуализирует вопрос относительно существующей в научной литературе классификации видов покушения на оконченное и неоконченное. Первая разновидность предполагает фактическое совершение виновным всех запланированных действий (либо всех, по его мнению, достаточных для достижения результата действий). При второй разновидности лицо, наоборот, не успевает совершить запланированные действия и осознает данное обстоятельство¹.

Представленное содержание разновидностей покушения опять-таки свидетельствует о существующем в настоящее время смешении стадий как этапов совершения преступления и закрепленной в уголовном законе конструкции покушения. Так, если рассматривать возможность такой классификации с точки зрения стадий механизма преступного деяния, то подобное деление недопустимо, поскольку преступление в своем развитии не проходит этапы неоконченного и оконченного покушения.

Деление покушения на виды в рамках единой юридической конструкции состава покушения также нецелесообразно по следующим основаниям. Во-первых, признаки, закрепленные в составе покушения, имеют обобщенный характер и распространяются на такую стадию механизма, как исполнение преступления. Во-вторых, предложенное деление не влияет на квалификацию преступления.

¹ См.: Благов Е.В. Особенности назначения наказания ... С. 25. Тадевосян Л.З. Неоконченные преступления. С. 33-34; Ситникова А.И. Приготовление к преступлению ... С. 42; Герцензон А.А. Уголовное право. Часть общая. С. 355.

В качестве последнего аргумента, свидетельствующего о значимости деления покушения на виды, в научной литературе указывается «влияние на назначение наказания»¹. По нашему мнению, данный аргумент также нельзя признать состоятельным, поскольку суд при назначении наказания должен учитывать не «виды покушения», а особенности всех совершенных стадий механизма преступного деяния.

Следует иметь в виду, что если составы приготовления и покушения могут применяться только на определенной стадии механизма², то состав оконченного преступления нельзя связывать с какой-либо одной стадией, поскольку «уголовный закон по-разному конструирует состав преступления, и в зависимости от этого момент признания преступления оконченным будет различным. Так, в одних случаях преступление будет оконченным при наступлении вредных последствий, точно предусмотренных статьями Особенной части УК. В других случаях преступление считается оконченным с момента совершения тех действий, которые запрещены законом, либо наоборот, с момента несовершения действий, которые закон предписывает совершить»³.

Таким образом, представленные в гл. 6 УК РФ понятия приготовления, покушения и оконченного преступления представляют собой не стадии совершения преступления, а законодательные конструкции составов преступлений, закрепленные в Общей части УК РФ, которые представляют собой совокупность обязательных признаков, выступающих основанием уголовной ответственности при прерывании преступного поведения на определенной стадии механизма⁴, а также позволяющих индивидуализировать уголовную ответственность в зависимости от этапа реализации преступного деяния.

Следует отметить, что подобное предложение о разделении понятий стадии совершения преступления и разновидностей приготовления, покушения и оконченного преступления, правда, в несколько ином варианте, было предложено Н.Д. Дурмановым, который отмечал: «Термин “стадии совершения преступления” нередко употребляется в двояком значении: 1) для определения тех этапов, которые про-

¹ См.: Насимов Г.А. Неоконченное преступление. С. 59.

² Состав приготовления может применяться только на стадии планирования, а состав покушения – на стадии исполнения.

³ Иванов В.Д. Ответственность за покушение ... С. 11-12.

⁴ На указанное предназначение понятий приготовления и покушения неоднократно указывалось в научной литературе. См.: Насимов Г.А. Неоконченное преступление. С. 24.

ходят оконченные преступления, 2) для определения особенностей ответственности за преступное деяние в зависимости от этапа, на котором было прекращено совершение преступления»¹. По нашему мнению, второе значение как таковое стадиями являться не может, поскольку это противоречит смысловому значению стадий как «этапов совершения преступления». Соответственно, для реализации особенностей уголовной ответственности целесообразно говорить не о стадиях совершения преступления, а о законодательных конструкциях составов неоконченного² и оконченного преступления.

В свою очередь, выделение стадий необходимо производить, руководствуясь лексическим значением этого понятия, подразумевающим определенные этапы совершения преступления. Учитывая, что развитие деяния происходит в рамках механизма, то количество стадий определяется содержанием механизма совершения деяния и состоит из мотивации, планирования и исполнения.

Указанные стадии механизма преступного деяния имеют следующее значение:

1) стадии показывают сам процесс совершения преступного деяния и причинения вреда объекту преступления;

2) особенности стадий должны составлять выбор вида конструкции состава преступления и регламентации юридического момента окончания;

3) стадии иллюстрируют степень осуществления лицом своего преступного намерения и влияют на уголовную ответственность и назначение наказания.

¹ Дурманов Н.Д. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву. С. 11.

² В.Д. Иванов подчеркивает удачность термина «неоконченные преступления», указывая: «Особенности характера преступной деятельности заключаются в том, что преступная деятельность не доводится до конца по причинам, не зависящим от виновного». Иванов В.Д. Ответственность за покушение ... С. 13.

§ 2.2. Взаимосвязь стадий механизма преступного деяния и вида конструкции оконченного преступления

Право законодателя варьировать юридический момент окончания преступления, передвигая его по оси механизма преступного деяния путем признания преступления оконченным на отдельно избранной стадии механизма, породило неразрывную связь между стадиями механизма и конструкцией состава оконченного преступления.

Конструкции состава оконченного преступления представляют собой модели¹, в которых находит отражение момент окончания преступления. Разработка конструкций составов оконченного преступления позволяет упорядочить различия в моментах окончания преступлений для целей конструирования составов преступлений².

При этом многовариативность установления юридического момента окончания преступления приводит к необходимости разработки классификации видов конструкций составов оконченного преступления.

С точки зрения практической значимости унифицированная классификация конструкций составов оконченного преступления позволяет не только единообразно устанавливать вид конструкции, используемой законодателем³ в Особенной части УК РФ, влияющий на обязательные признаки состава преступления, а также момент окончания, но и, как следствие, избежать ошибок в квалификации деяния. В теоретическом же плане классификация составов оконченного преступления является основой создания концепции выбора конструкции составов преступлений по моменту окончания.

Именно поэтому классификация составов преступлений по моменту окончания вызывает интерес в научной среде уже не одно десятилетие. Вместе с тем нельзя не отметить критические замечания относительно классификации составов по моменту окончания, представленные в научной литературе. Например, Н.Ф. Кузнецова подчеркивает: «Основной довод сторонников концепции “формальных” преступлений (или составов) о том, что в такого рода преступлениях ни-

¹ Кругликов Л.Л., Спиридонов О.Е. Юридические конструкции и символы ... С. 57.

² Там же. С. 64.

³ Проблема установления вида конструкции с очевидностью прослеживается при анализе научной литературы. Так, практически по каждому составу преступления имеет место дискуссия относительно вида конструкции состава.

когда не требуется доказывать наличие преступных последствий, не согласуется с практикой. Само законодательное понятие “деяние” включает в себя не только характеристику форм поведения – действие и бездействие, но и вредные последствия»¹.

По нашему мнению, классификация составов преступлений на формальные и материальные не только имеет под собой достаточные основания, но и востребована теорией уголовного права и практикой применения уголовного закона. Даже те исследователи, которые по разным причинам ее не признают, не могут отрицать того факта, что объективная сторона преступления как развивающееся во времени явление в различных составах преступлений конструируется неодинаково и, следовательно, неодинаково будет определяться момент их юридического окончания.

Представляется, что совершенно прав Л.Л. Кругликов, который указывает: «Если отвлечься от упреков чисто терминологического порядка (т.е. насколько удачны обозначения: усеченный состав, формальный и т.д.), сосредоточив внимание на сути проблемы, то нельзя не увидеть зависимость используемой законодателем в конкретном случае конструкции от его намерения так или иначе определить момент окончания описываемого в статье Особенной части Уголовного кодекса вида преступления. <...> Отрицание факта существования анализируемых конструкций наносит, безусловно, ощутимый урон и теории, и практике»².

Логичное объяснение возможности выделения формальных и материальных составов преступлений, вполне совместимое с положением о том, что всякое преступление причиняет вред объекту уголовно-правовой охраны, дает В.Д. Филимонов в рамках концепции сложной структуры объекта. С его точки зрения, характерное для любого преступления причинение вреда объекту отражают и формальные, и материальные составы. Однако в материальных составах отражены оба вида вреда, причиняемого объекту: и вред охраняемому общественному отношению, материализующийся в определенных общественно опасных последствиях, и вред охраняющему общественному отношению, заключающийся в нарушении функционирования этого отношения. В формальных же составах отражен только второй вид вреда – вред охраняющему общественному отношению, который неотделим

¹ Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. С. 56.

² Кругликов Л.Л., Спиридонов О.Е. Юридические конструкции и символы ... С. 70-71.

от деяния и особо в норме права не оговаривается. Что же касается общественно опасных последствий как признака объективной стороны, то они в такой состав не включаются¹.

Таким образом, классификацию составов преступлений по моменту окончания следует признать обоснованной, не противоречащей фундаментальным положениям доктрины российского уголовного права и имеющей важное значение для решения вопроса о моменте юридического окончания преступления. Ее предназначение заключается в том, чтобы «де-факто разные по моменту окончания преступления влекли одинаковые юридические последствия, неодинаковые по моменту завершения посягательства подчинялись общим правилам назначения уголовного наказания за оконченное преступление»².

Но несмотря на то, что первые попытки разработки данной классификации составов имели место еще XIX в.³, до настоящего времени не достигнута ни терминологическая, ни численная определенность в выделяемых видах.

Однако прежде чем выделять конкретные разновидности, а тем более вдаваться в дискуссию о терминологическом оформлении различных видов составов⁴, необходимо определить классификационное основание, объединяющее виды составов по группам⁵.

¹ Филимонов В.Д. Обстоятельства, определяющие содержание и конструкцию состава преступления // Уголовное право. 2003. № 2. С. 85.

² Безверхов А.Г. О проблеме конструирования составов преступлений по моменту окончания. С. 72.

³ Истоки данной теории, восходящие еще к Биндингу (XIX век), впоследствии, в начале XX в., были развиты в учениях А.Н. Круглевского, П.И. Люблинского. Так, А.Н. Круглевский писал о «нормальном типе составов» и о составах «усеченных, где в роли оконченного преступления выступает действие». См.: Круглевский А.Н. Имущественные преступления. СПб., 1913. С. 43-46; Люблинский П.И. Техника, толкование и казуистика уголовного кодекса / под ред. В.А. Томсинова. М., 2004. С. 26-27.

⁴ В научной литературе можно встретить возражения против использования практически любого из терминов, которыми обозначаются виды составов в рамках данной классификации. Так, А.Н. Трайнин выступал против термина «усеченный состав» (Трайнин А.Н. Состав преступления по советскому уголовному праву. С. 137). И.С. Тишкевич подвергал критике термины «формальный состав» и «материальный состав» (Более подробно см. об этом: Козлов А.П. Понятие преступления. С. 795).

⁵ В качестве такого основания в научной литературе предлагается использовать конструкцию объективной стороны (Уголовное право. Общая часть / под ред. А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова. С. 123); описание в диспозиции нормы последствий преступления (Уголовное право. Общая часть / под ред. Б.В. Здравомыслова. М., 1996. С. 105).

Анализ научной литературы показывает, что большинство ученых в качестве основания данной классификации предлагают использовать особенности конструкции объективной стороны, т.е. способы ее законодательного описания, выделяя в качестве видов формальные, материальные и усеченные составы¹.

В отдельных исследованиях можно встретить несколько иную формулировку основания с сохранением схожей смысловой нагрузки. В частности, авторами указывается на такое основание, как описание последствий преступления в диспозиции нормы².

На неточность выделенных классификационных оснований указывает ряд факторов: во-первых, описание объективной стороны состава преступления может заключаться не только в отражении деяния и преступных последствий, но и иных признаков (способ, время, место, орудие и т.д.), которые не имеют отношения к конструкциям оконченных преступлений. Следовательно, использование подобной «общирной» формулировки основания размывает рассматриваемую классификацию. Обратная ситуация – чрезмерного сужения классификационного основания – имеет место при такой его формулировке, как «в зависимости от описания преступных последствий», поскольку большинство из предлагаемых видов составов оконченных преступлений (речь идет о формальных и усеченных составах) в норме закона не содержат указания на преступные последствия.

А.В. Иванчин предлагает при выделении видов составов использовать разные классификационные критерии. Так, «по функциональной роли последствий в составе – формальные, материальные и формально-материальные.; по моменту окончания – составы с реальными последствиями, составы с возможными последствиями (составы создания опасности), составы завершенных деяний без последствий, составы “деяний-приготовлений”, составы “деяний-покушений”, смешанные составы (например, составы завершенных деяний в комбинации с последствиями)»³. В представленной А.В. Иванчиным классификации с положительной стороны следует оценить наличие нескольких классификационных оснований, поскольку уместить многообразие составов оконченных преступлений в рамках классификации, произведенной по одному основанию, представляется непосиль-

¹ См.: Уголовное право. Общая часть / под ред. А.И. Рапова. М., 2010. С. 78.

² См.: Общая часть уголовного права: состояние законодательства и научной мысли / под ред. Н.А. Лопашенко. СПб., 2011. С. 256.

³ Иванчин А.В. Концептуальные основы конструирования состава преступления: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2015. С. 31.

ной задачей. Однако предложенный подход содержит ряд неточностей. Во-первых, автором не учитывается то обстоятельство, что материальные, формальные и формально-материальные составы различаются как раз по моменту окончания преступления (а в предложенной классификации это уже второй классификационный критерий). Во-вторых, деление составов по моменту окончания в интерпретации автора опять-таки привязывается к наличию такого обязательного признака, как преступные последствия (что входит в первую классификацию). Таким образом, классификационные основания в виде функциональной роли последствий и момента окончания неразрывно связаны между собой и разделение их на два вида можно осуществить только условно.

Исходя из того, что любая классификация призвана систематизировать объекты в соответствии с их общими и отличительными признаками, а ее основание должно отражать целевое назначение деления, классификационным основанием составов оконченных преступлений в первую очередь необходимо признать стадии развития преступного деяния, избранные законодателем в качестве юридического момента окончания преступления. Соединение в классификационном основании момента юридического окончания преступления и процесса совершения преступления наиболее удачно отражает возможности законодателя создавать различные конструкции оконченного преступления, отличающиеся друг от друга моментом окончания.

В рамках данной классификации в научной литературе предлагается выделять разнообразные составы преступлений. Так, одни авторы указывают на формальные и материальные составы, понимая под первыми составы, в объективную сторону которых законодателем не включены общественно опасные последствия, а под вторыми – составы, содержащие в себе такие последствия¹. При этом любые иные разновидности составов рассматриваются как варианты формальных

¹ См., например: Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть. С. 164; Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога и А.И. Чучаева. М., 2007. С. 87-88. Г.А. Насимов дополняет понятие материального состава указанием на наступление «материализованного преступного результата». См.: Насимов Г.А. Неоконченное преступление. С. 41. Указанное дополнение не согласуется с конструкциями отдельных составов преступлений. Например, ст. 285, 286 УК РФ по конструкции являются материальными, но преступные последствия в виде существенного нарушения прав, закрепленные в качестве обязательного признака, имеют нематериальный характер.

или материальных составов (например, усеченные составы – как вариант формального состава). Другие ученые добавляют к этим двум видам составов одну или несколько дополнительных классификационных групп, в частности, усеченные составы, составы опасности¹. И наконец, существуют нетрадиционные точки зрения, предлагающие выделять «нематериальные составы»².

Подобное терминологическое и видовое разнообразие, безусловно, не пригодно для создания четкой и стройной концепции конструирования состава преступления и нуждается в систематизации.

Учитывая, что классификация составов преступлений по моменту окончания призвана выделить возможные варианты составов, устанавливающие юридический момент окончания на разных этапах механизма преступного деяния, то количество вариантов (видов) составов должно соответствовать стадиям механизма.

В частности, развитие преступления начинается с планирования (речь идет о совершении конкретных приготовительных действий, т.к. мыслительная деятельность в соответствии с ч. 1 ст. 14 УК РФ не является преступной), переходит в совершение деяния (действия или бездействия) и заканчивается наступлением результата, то численное количество видов составов оконченного преступления должно соответствовать данным этапам.

При этом терминологическое оформление отдельных видов конструкций оконченного преступления может основываться на устоявшихся в науке уголовного права наименованиях, но только при условии совпадения смыслового содержания.

¹ В составах опасности «речь идет о возникновении такой ситуации либо таких обстоятельств, которые повлекли бы предусмотренные законом вредные последствия, если бы не были прерваны вовремя принятыми мерами или иными обстоятельствами, не зависящими от воли причинителя вреда». См.: например: Курс советского уголовного права. Часть Общая. Т. 1 / отв. ред. Н.А. Беляев, М.Д. Шаргородский. С. 270-271; Кругликов Л.Л., Спиридонов О.Е. Юридические конструкции и символы ... С. 72-73.

² К таким составам Г.А. Насимов предлагает относить преступления, в которых преступный результат носит моральный, политический характер. См.: Насимов Г.А. Неоконченное преступление. С. 33. Несколько иное понимание нематериальных составов предложено С.А. Иванчиной – это составы, момент окончания связан с совершением указанных в уголовном законе действий (бездействия). См.: Иванчина С.А. Оконченное преступление. С. 153. Используемая терминология привносит путаницу в устоявшуюся классификацию составов преступлений. Так, предложенное понимание нематериальных составов показывает их идентичность по своему содержанию с формальными составами.

Таким образом, в зависимости от стадии развития преступления, на которой законодатель устанавливает юридический момент окончания преступления, следует выделять четыре вида состава оконченного преступления.

1. Состав планирования – это состав, в котором оконченным преступлением объявляется приискание соучастников, сговор, приискание, изготовление, приспособление средств или орудий и иное умышленное создание условий путем переноса юридического момента окончания преступления на этап совершения preparatory acts.

В научной литературе существуют предложения о выделении отдельных preparatory acts в качестве самостоятельных составов преступлений. Так, А.Г. Безверхов вовлечение соучастников предлагает обособить в отдельный состав – «деликт соучастников»¹; Д.В. Решетникова считает необходимым преступления, связанные с незаконным оборотом оружия, признать «составами с двойной превенцией»². Однако мы такие составы относим к составам планирования по причине того, что согласно ч. 1 ст. 30 УК РФ приискание соучастников является разновидностью preparatory acts.

Нельзя не заметить, что использование состава планирования может создавать проблемы в правоприменительной деятельности. Так, выступая, с одной стороны, оконченным преступлением, а с другой стороны – приготовлением к совершению иного преступления, образует ли использование подобной конструкции идеальную совокупность?

Например, прохождение лицом обучения террористической деятельности образует состав преступления, предусмотренный ст. 205.4 УК РФ, и одновременно является приготовлением к совершению преступлений террористической направленности, поскольку благодаря обучению лицо создает благоприятные условия для последующего совершения преступления.

По нашему мнению, применение правил совокупности преступлений нарушит принцип справедливости, поскольку фактически лицо привлекается дважды за одно и то же деяние (в приведенном примере – обучение). Другое дело, если лицом совершаются одновременно с preparatory act, выделенным в самостоятельный состав планирования, еще и иные preparatory acts, не охва-

¹ См.: Безверхов А.Г. О проблеме конструирования составов преступлений по моменту окончания. С. 70-78.

² Решетникова Д.В. Конструирование составов преступлений по моменту окончания: вопросы законодательной техники и судебной практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2012. С. 17.

тывающиеся данным составом. Примерами таких иных действий могут служить составление плана конкретного преступления террористической направленности, осмотр территории и т.д. В таком случае применение правил совокупности преступления необходимо признать правильным и обоснованным.

2. Усеченный – это состав, в котором момент окончания преступления перенесен на начало совершения преступного деяния, а преступление признается оконченным независимо от его завершения.

Несмотря на то, что именно такое наименование состава преступления неоднократно подвергалось критике в научной литературе¹, оно наиболее точно отражает смысловое содержание, заключающееся в ограничении рамок состава оконченного преступления начальным этапом совершения деяния.

В этой части следует отметить, что в научной литературе встречается и иное понимание усеченного состава. Так, Д.В. Решетникова отмечает: «К усеченным составам относятся составы, где юридический момент окончания преступления перенесен де-факто на стадию приготовления»². Однако ограничение усеченных составов рамками создания условий не согласуется с распространенным в науке уголовного права пониманием усеченных составов как составов, момент окончания которых перенесен на ранние стадии совершения преступления (это в первую очередь стадии исполнения). Так, еще А.Н. Круглевский описал усеченные составы через «действие, должноствующее вызвать определенный эффект»³.

3. Формальный – это состав, в котором юридический момент окончания преступления связывается с полным совершением преступного деяния.

4. Материальный – это состав, при котором преступление признается оконченным в момент наступления преступного результата (с приданием последнему юридического выражения в норме закона).

Единственная стадия в генезисе механизма преступного деяния, не связанная с конструкциями состава преступления – это стадия мотивации, что связано с признанием в ч. 1 ст. 14 УК РФ преступным исключительно деяния. Иная ситуация имела место в «Артикуле воин-

¹ См.: Трайнин А.Н. Состав преступления по советскому уголовному праву. С. 137.

² См.: Решетникова Д.В. Конструирование составов преступлений по моменту окончания: вопросы законодательной техники и судебной практики: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2012. С. 131.

³ Круглевский А.Н. Имущественные преступления. С. 43-46.

ском», согласно которому отдельные преступления признавались оконченными уже на стадии «голового умысла». Например, арт. 140 закрепляет: «Ежели пойдут и захотят на поединке биться»¹.

В научной литературе предлагаются и иные виды составов оконченных преступлений. Так, Д.В. Решетникова выделяет такую разновидность состава оконченного преступления, как «состав уголовно наказуемых угроз», в котором момент окончания смещен на этап обнаружения умысла². Опровергая представленную позицию, следует отметить, что в исследованиях, посвященных насилию, угроза рассматривается как разновидность психического насилия, способного выступать как в качестве самостоятельного деяния, так и способом совершения других преступлений (ст. 162, 131 УК РФ и т.д.). В тех составах, где угроза представляет собой деяние, момент окончания связывается с ее реализацией (доведения до сведения потерпевшего), что полностью соответствует формальному составу. В свою очередь, наличие в составе преступления угрозы-способа вообще не влияет на момент окончания преступления и безразлично для выделения конструкций составов оконченных преступлений.

Вторым классификационным основанием выступает количество конструкций оконченного преступления, представленных в одном составе. В рамках данной классификации следует выделять: 1) составы с использованием одной конструкции оконченного преступления (единичные конструкции оконченного преступления); 2) комбинированные составы с различными моментами окончания преступления, соединяющие в себе несколько видов конструкций.

Сочетание конструкций оконченного преступления в комбинированных составах чаще всего представлено формально-материальными составами, предполагающими альтернативу в моменте окончания преступления на этапе наступления преступного результата или совершения деяния (например, состав незаконного предпринимательства (ст. 171 УК РФ) охватывает два альтернативных вида преступного деяния, первый из которых предполагает осуществление незаконной предпринимательской деятельности с причинением крупного ущерба, а второй – с извлечением дохода в крупном размере). В дей-

¹ См.: Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. М., 1986. Т. 4. С. 388.

² Решетникова Д.В. Конструирование составов преступлений по моменту окончания: вопросы законодательной техники и судебной практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2012. С. 17.

ствующей редакции УК РФ такую конструкцию нельзя отнести к числу распространенных (она составляет 4,1% (14 составов)).

Д.В. Решетникова выделяет три вида формально-материальных конструкций:

1) конструкции преступлений, объективная сторона которых предполагает выполнение альтернативных действий (бездействия), одно из которых включает наступление общественно опасных последствий, предусмотренных как признак объективной стороны;

2) конструкции, в которых объединены последовательно два последних этапа развития преступной деятельности. Здесь один момент окончания связан с покушением на преступление, а второй момент – с наступлением материальных общественно опасных последствий;

3) конструкции составов преступлений, в которых не конкретизируются общественно опасные последствия преступления либо конкретизируются лишь частично. Например, существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства (ст. 285, 286, 293 УК и др.)¹.

Положительно оценивая выделение первого и второго вида конструкций формально-материальных составов, нельзя согласиться с предложенной третьей разновидностью (а тем более с приведенными примерами составов, конструкция которых соответствует материальному составу, в связи с наличием преступных последствий, позволяющих признать деяние оконченным преступлением), поскольку в приведенной формулировке отсутствует сочетание нескольких конструкций, выступающее обязательным признаком комбинированного состава преступления.

Соединение в одном составе преступления нескольких видов конструкций нельзя ограничивать формально-материальными составами. Так, возможно сочетание состава опасности и материального состава (например, ст. 358 УК РФ «Экоцид» объединяет два самостоятельных деяния, в одном из которых наступление общественно опасных последствий на квалификацию влияния не оказывает, а в другом предполагает их обязательное наступление (в виде массового уничтожения

¹ Решетникова Д.В. Формальный состав преступления в классификационном ряду *coerpes delicti* // Общество и право. 2012. № 2 (39). С. 132-136.

растительного или животного мира, отравления атмосферы или водных ресурсов))¹.

Особый интерес представляют составы, сочетающие в себе даже не две, а три конструкции. Примером является состав геноцида (ст. 357 УК РФ), включающего в себя следующие составы: материальный (убийство членов национальной, этнической или другой группы либо причинение тяжкого вреда их здоровью; формальный (принудительная передача детей, насильственное переселение); состав планирования (иное *создание жизненных условий*, рассчитанных на физическое уничтожение членов группы).

Дальнейшее развитие классификации видов составов преступлений следует осуществлять на уровне уже выделенных групп (иначе говоря, по горизонтали).

Так, в рамках материального состава преступления в зависимости от юридического значения преступных последствий, выступающих обязательным признаком, необходимо выделять два вида составов:

1. Материальные составы, в которых преступные последствия выступают криминализующим признаком². В таких конструкциях ненаступление преступного вреда приводит к невозможности привлечения к уголовной ответственности. Типичными примерами данной разновидности материальных составов являются неосторожные преступления (ст. 109 УК РФ), однако не исключается ее использование и в умышленных преступлениях (ст. 146 УК РФ).

В научной литературе можно встретить утверждение (которое, к слову, находит множественные подтверждения в УК РФ), что при описании преступных последствий в качестве криминализующего признака законодателем используется союз «если»³. Однако возводить наличие союза в ранг универсального правила описания материальных составов нельзя, поскольку в УК РФ можно увидеть и иные способы описания такой разновидности составов (например, ст. 264 УК РФ).

В отличие в предложенного нами деления материальных составов, А.И. Ситникова считает неверным относить составы с криминализующими преступными последствиями к числу материальных⁴. Оши-

¹ Составы, сочетающие в себе различные конструкции, следует именовать комбинированными.

² Ситникова А.И. Законодательная текстология уголовного права. М., 2011. С. 297.

³ Там же.

⁴ Там же.

бочность такой позиции заключается в том, что автор фактически исключает определенный блок конструкций из классификации составов преступлений по моменту окончания, оспаривая явно следующее из диспозиций уголовного закона установление момента окончания таких преступлений моментом наступления преступных последствий, указанных в законе (что полностью соответствует материальному составу преступления). С другой стороны, следует поддержать стремление автора обособить, показать на уникальность таких составов преступлений, в связи с чем считаем необходимым в рамках материальных составов преступлений (выделенных по моменту окончания преступления) продолжить классификационный ряд конструкций составов преступлений.

2. Материальные составы с приданием преступным последствиям обязательного значения, но не криминообразующего. В таких составах ненаступление преступных последствий свидетельствует только об отсутствии оконченного преступления, но не препятствует привлечению к ответственности за неоконченную преступную деятельность (например, ст. 105, 111 УК РФ).

На уровне материальных составов классификация также может быть продолжена по такому основанию, как количество преступных последствий, с которыми законодатель связывает момент окончания преступления.

Как верно отмечает Н.Ф. Кузнецова, «в некоторых случаях закон конструирует состав преступления не с одним, а с двумя последствиями, которые являются элементами этого состава»¹.

В связи с этим в рамках материальных составов по количеству преступных последствий следует выделять: 1) простой материальный состав, момент окончания которого связан только с одним последствием, заключающимся в причинении вреда только основному объекту либо только дополнительному объекту. Например, разбой, совершенный в крупном размере (ч. 3 ст. 162 УК РФ), сконструирован законодателем как состав, включающий обязательное последствие, связанное с основным объектом (имущественный ущерб), а разбой, совершенный с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего (п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ), – напротив, как состав, включающий обязательное последствие, связанное с дополнительным объектом; 2) сложный материальный состав, при котором юридическое значение может придаваться нескольким последствиям, которые выражают

¹ Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. С. 57.

причинение различных видов вреда основному объекту либо основному и дополнительному в совокупности.

Примером сложного материального состава с двумя последствиями является убийство с особой жестокостью (п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ). В качестве обязательных последствий данного состава в научной литературе предлагают признавать смерть потерпевшего и причинение при убийстве особых физических или психических страданий потерпевшему либо особых психических страданий близким потерпевшего. Эти последствия связаны с объектами уголовно-правовой охраны, в сложную структуру которых входят такие блага, как жизнь человека и его физическое и моральное состояние, характеризующееся отсутствием сильной физической или душевной боли¹. Разбой, совершенный в крупном размере (ч. 3 ст. 162 УК РФ), сконструирован законодателем как состав, включающий обязательное последствие, связанное с основным объектом (имущественный ущерб), а разбой, совершенный с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего (п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ), – напротив, как состав, включающий обязательное последствие, связанное с дополнительным объектом².

Если оценивать выделенные разновидности материальных составов с точки зрения проблем, которые может создать та или иная законодательная конструкция при применении закона, то наименее удачным является вид состава с двумя общественно опасными последствиями, одно из которых относится к основному, а второе – к дополнительному объекту, если вина по отношению к каждому последствию выступает в форме умысла. Момент окончания такого преступления связывается с моментом, когда в совершенном деянии оказываются представлены оба последствия. Однако одно последствие, как правило, из другого не вытекает и жесткой связи с ним не имеет.

¹ О дополнительном объекте и дополнительном последствии убийства с особой жестокостью см.: Плаксина Т.А. Социальные основания квалифицирующих убийство обстоятельств и их юридическое выражение в признаках состава преступления. Барнаул, 2006. С. 165-170. См. также: Филимонов В.Д. Норма уголовного права. С. 107.

² Включение вреда дополнительному объекту в конструкцию материального состава широко используется отечественным законодателем при конструировании составов двубъектных неосторожных преступлений и двубъектных преступлений с двумя формами вины. Причиняемое по неосторожности последствие связано с дополнительным объектом, в качестве которого обычно выступает жизнь или здоровье человека, а последствие, имеющее отношение к основному объекту, в состав не вводится (например, ст. 143, 263, 264, п. «в» ч. 3 ст. 126, п. «а» ч. 4 ст. 131 УК РФ и т.д.).

Каждое из них может наступить, а может и не наступить вне зависимости от того, причинено ли другое. Казалось бы, очевидным должен быть тот факт, что в случае ненаступления хотя бы одного из последствий деяние не может расцениваться как оконченное преступление данного вида. При этом если виновный желал причинить оба последствия, содеянное должно образовывать покушение на соответствующее преступление. Однако правоприменительная практика далеко не всегда идет по этому пути, особенно при явной неравноценности объектов, а значит, и последствий. Неоднозначно решается этот вопрос и в научной литературе¹.

Еще более усложняется уголовно-правовая оценка содеянного (по крайней мере, с позиций теории) тогда, когда по отношению к ненаступившему последствию усматривается прямой умысел, а по отношению к наступившему – косвенный. Здесь, помимо уже обозначенной проблемы, возникает еще и вопрос о том, возможно ли покушение на преступление с двумя последствиями при разных видах умысла по отношению к ним. Из всего изложенного вытекает вывод о том, что законодателю при формировании конкретных составов следовало бы избегать таких конструкций составов двуобъектных пре-

¹ В частности, применительно к убийству с особой жестокостью специалисты сталкиваются с проблемой квалификации содеянного в том случае, если виновный желал причинить потерпевшему и смерть, и особые страдания в процессе лишения жизни, но в силу тех или иных обстоятельств второе последствие не наступило (например, потерпевший потерял сознание после первого нанесенного повреждения и далее не чувствовал боли). Одни исследователи считают, что преступление надлежит квалифицировать как оконченное убийство с особой жестокостью. Так, А.Н. Попов пишет по поводу оценки таких ситуаций следующее: «...Неправильно, на наш взгляд, квалифицировать содеянное как покушение на убийство с особой жестокостью, во-первых, потому что виновный желал и реально проявил особую жестокость в обстоятельствах содеянного, во-вторых, потому что убийство уже совершено» (Попов А.Н. Убийства при отягчающих обстоятельствах. СПб., 2003. С. 382). Из приведенной цитаты видно, что автор ориентируется на более тяжкое последствие – смерть потерпевшего, считая его в рамках рассматриваемой ситуации достаточным для признания преступления окончанным убийством с особой жестокостью. Другие ученые полагают, что признак особой жестокости, напротив, не должен получать никакого отражения в квалификации, поскольку потерпевший фактически не испытывал особых страданий, хотя виновный и направлял на это свои усилия (См., например: Константинов П.Ю. Влияние жестокости преступного поведения на квалификацию убийства // Законность. 2001. № 9. С. 8; Антонян Ю.М. Понятие особой жестокости и преступления с особой жестокостью // Социалистическая законность. 1990. № 6. С. 53).

ступлений, когда в объективную сторону состава включаются и последствие, относящееся к основному объекту, и последствие, связанное с дополнительным объектом.

Что же касается видов материальных составов, в которые вводится последствие, связанное с одним из объектов (либо основным, либо дополнительным), то они подобных проблем с квалификацией содеянного не создают. Однако при их использовании в законе у правоприменителя могут появиться сложности другого плана. Если такой тип состава использован для конструирования квалифицированного состава того или иного преступления, а основной состав является формальным, в ряде случаев при оценке конкретных ситуаций неизбежно возникает проблема конкуренции покушения на преступление, соответствующее квалифицированному составу, и оконченного преступления, соответствующего основному составу. Справедливости ради следует заметить, что в равной степени это относится и к однообъектным преступлениям, когда при конструировании их составов применяется подобный прием законодательной техники, т.е. основной и квалифицированный составы отражают разные стадии развития одного и того же умышленного преступления. Тот момент, который для преступления, соответствующего основному составу, выступает в качестве момента его юридического окончания, в рамках преступления, соответствующего квалифицированному составу, оказывается всего лишь одним из переходящих моментов в процессе его развития. В настоящее время такую конструкцию можно увидеть, например, в ч. 1 и 2 ст. 122 УК РФ. В результате умышленное поставление потерпевшего в опасность заражения ВИЧ-инфекцией с прямым умыслом на заражение, с одной стороны, является оконченным преступлением, предусмотренным ч. 1 ст. 122 УК РФ, с другой стороны, – покушением на совершение преступления, предусмотренного ч. 2 той же статьи.

В научной литературе вопрос о конкуренции при таких условиях решается в пользу покушения на совершение квалифицированного вида преступления. Так, Л.В. Иногамова-Хегай указывает, что при конкуренции норм с оконченной и неоконченной преступной деятельностью, содержащих признаки разных составов преступлений (в т.ч. и разных составов одного и того же преступления), предпочтение отдается норме, которая полнее в оконченном преступлении¹. Однако

¹ Иногамова-Хегай Л.В. Конкуренция уголовно-правовых норм при квалификации преступлений: учеб. пособие. М., 2002. С. 126-127.

судебная практика нередко игнорирует это правило, особенно в случаях, когда квалифицированный состав двуобъектного преступления включает умышленно причиняемое последствие, относящееся не к основному, а к дополнительному объекту. Сложившийся среди практических работников стереотип о моменте окончания преступления, вытекающем из характеристики основного состава, оказывается столь силен, что распространяется и на все его квалифицированные составы. Например, представление о том, что момент окончания разбоя – это момент нападения, совершенного с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, или с угрозой применения такого насилия, при применении закона на практике экстраполируется и на квалифицированные виды данного преступления, имеющие материальные составы. С теоретических позиций, если при разбое у виновного был прямой умысел на причинение тяжкого вреда здоровью, но это последствие не наступило, то его действия должны квалифицироваться как покушение на квалифицированный разбой по ч. 3 ст. 30, п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ. Судебная же практика идет по другому пути. Так, в 2001 г. Алтайским краевым судом было рассмотрено дело в отношении Ч., который, намереваясь завладеть автомобилем М., с целью лишения жизни произвел два выстрела в голову потерпевшего. Произошла осечка, М. не пострадал. Ему удалось выскочить из машины и убежать. Действия виновного суд квалифицировал по ч. 3 ст. 30, п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, п. «г» ч. 2 ст. 162 УК РФ (в первоначальной редакции – ст. 162), т.е. как покушение на убийство, сопряженное с разбоем, и разбой с применением оружия¹. Такое же решение было принято тем же судом и по другим уголовным делам с аналогичными обстоятельствами совершения преступлений². Между тем во всех указанных случаях умысел виновного был направлен даже не на причинение тяжкого вреда здоровью, а на причинение смерти потерпевшему, но на применении статьи о разбое это никак не отразилось³.

Таким образом, сами виды материальных составов, характеризующиеся тем, что в состав вводится общественно опасное последствие, связанное либо с основным, либо с дополнительным объектом, отнюдь нельзя назвать ущербными. Неудачным следует признать лишь их использование для конструирования квалифицированного состава

¹ Архив Алтайского краевого суда. Дело № 2-72/2001.

² См. также: Архив Алтайского краевого суда. Дело № 2-111/2003; Дело № 2-50/2009.

³ Ермакова О.В. Момент окончания преступлений против собственности: закон, теория, практика. С. 25-28.

преступления, если основной состав является формальным, а в квалифицированном составе формой вины по отношению к последствию выступает умысел.

Классификация составов оконченных преступлений на уровне формальных составов также может быть продолжена в зависимости от того, включен ли преступный результат, не получивший юридического выражения, в конструкцию состава. На основе такого классификационного критерия следует выделять: 1) формальные составы, закрепляющие преступные последствия, но связывающие момент окончания лишь с угрозой их наступления; 2) формальные составы, не включающие преступные последствия.

Первая разновидность формальных составов в научной литературе получила наименование «состав опасности». При этом их место в классификации составов оконченных преступлений вызывает дискуссии.

Так, А.В. Иванчин относит составы опасности к числу материальных по причине указания в них на преступные последствия¹, И.А. Бобраков отождествляет состав опасности с усеченным составом².

При определении места составов опасности в классификационном ряду необходимо руководствоваться основанием деления, в качестве которого, по нашему мнению, выступает стадия развития преступного деяния, определяющая юридический момент окончания преступления. Учитывая, что момент окончания преступления в составе опасности устанавливается на стадии совершения деяния, создающего угрозу наступления вредных последствий, более верно данную разновидность составов относить к числу формальных. Их отличие от иных видов формальных составов заключается в том, что законодатель, описывая состав опасности, придает юридическое выражение общественно опасным последствиям (в результате чего появляется сходство этого состава с материальным), для предотвращения которых и создавался такой состав, но не требует фактического их наступления для признания преступления оконченным.

Разработанная многоуровневая классификация составов оконченных преступлений, помимо безусловного теоретического значения,

¹ См.: Иванчин А.В. Проблемы определения вида состава преступления в зависимости от функциональной роли последствий в его законодательной конструкции // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 2. С. 63.

² Чит. по: Ситникова А.И. Законодательная текстология уголовного права. С. 299.

закключающегося в развитии теории состава преступления и правил его конструирования, выступает базисом для толкования видов конструкций конкретных составов преступлений, закрепленных в Особенной части УК РФ, а также определения момента окончания преступления.

Выбор конструкции состава преступления представляется важной задачей, решение которой демонстрирует волю законодателя признать преступление оконченным на определенной стадии механизма преступного деяния.

Если проанализировать УК РФ, то с очевидностью прослеживается приоритет использования конструкций, не связанных с обязательным установлением преступных последствий (их доля составляет 73,3%, или 249 составов). Доля же использования конструкции материального состава сравнительно невелика и составляет 26,7%, или 91 состав.

Однако свобода выбора конструкции, предоставленная законодателю, должна основываться на определенных правилах, совокупность которых образует концепцию выбора конструкции составов и регламентации момента окончания преступления.

В настоящее время концептуальные основы выбора конструкции состава преступления находятся лишь в зачаточном состоянии.

При этом основной проблемой, не нашедшей достаточного осмысления в теории уголовного права, остается вопрос не о количестве конструкций составов, а о причинах, побуждающих законодателя использовать ту или иную конструкцию.

Осуществляя поиск таких причин, необходимо помнить, что законодатель не просто механически признает преступление оконченным в тот или иной момент, а объявляет его таковым на определенной стадии механизма совершения деяния. Поэтому особенности стадий механизма преступного деяния должны выступать основой при выборе законодательной конструкции конкретного состава преступления и определения момента его окончания.

Связь стадий механизма и конструкции оконченного преступления проявляется не только в процессе законотворчества, но и в правоприменительной деятельности. Так, устанавливая механизм совершения конкретного деяния, изначально следует уяснить момент юридического окончания преступления, необходимый для применения конструкции оконченного преступления. После наложения такого момента окончания на совершенные стадии механизма решается вопрос о признании преступления оконченным. Если при применении кон-

струкции оконченного преступления механизм совершения деяния характеризуется иными стадиями, то они подлежат обязательному учету при квалификации преступления и назначении наказания.

Влияние стадий механизма преступного деяния на выбор конструкции состава видится более глубоким и объединяет в себе два направления воздействия, которые в своей совокупности образуют единую концепцию выбора конструкции состава преступления:

1. Непосредственное воздействие на выбор конструкции состава оказывает содержательная характеристика стадий, проявляющаяся в особенностях совершения деяния, посягающего на объект преступления, а также в наступлении определенного результата¹.

Очевидно, что так называемая «содержательная» детерминация выбора конструкции состава в своей основе характерна больше для стадии исполнения, на которой лицо начинает совершать преступное деяние. Предшествующие исполнению стадии в виде мотивации и планирования, в связи с отдаленностью от самого преступления, а также от причинения вреда объекту преступления, не способны оказать непосредственного воздействия на выбор конструкции состава преступления. Но это не исключает наличие связи между этими стадиями и конструкцией состава в рамках второго вида детерминации.

2. Особенности стадий механизма способны воздействовать на выбор конструкции состава оконченного преступления через призму определенных факторов, иначе говоря, опосредованно. Факторная детерминированность выбора конструкции состава преступления предполагает проявление определенных детерминант на отдельно взятой стадии механизма, вызывающее необходимость установления момента юридического окончания преступления именно на этом этапе развития.

¹ Например, разнообразный характер последствий совершения деяния свидетельствует о необходимости использования конструкции формального состава (такое многообразие возможных последствий, проявляющихся от причинения вреда здоровью до самоубийства и т.д., характерно для изнасилования).

Заключение

Понятие механизма преступного деяния нельзя отнести к числу разработанных в теории уголовного права. Вместе с тем учение о механизме должно составлять основу теории конструирования состава преступления, поскольку именно механизм демонстрирует процесс совершения преступления, а конструкция состава преступления объявляет деяние оконченным на какой-либо из стадий данного процесса.

Основой анализа механизма преступного деяния должны выступать наработки криминологической науки, в рамках которой изучается механизм преступного поведения.

В представленной работе криминологическое учение перенесено на проблемы уголовного права, и с этой позиции выдвинута концепция механизма преступного деяния, определяющая конструирование состава преступления.

В частности, под механизмом преступного деяния предлагается понимать внутренне согласованную систему элементов, соответствующих определенным этапам развития преступного деяния. Элементы механизма совершения деяния составляют его содержание. Совокупность указанных элементов может меняться в зависимости от особенностей совершения того или иного деяния.

Механизм преступного деяния составляют такие стадии, как планирование и совершение деяния. Последняя, в свою очередь, подразделяется на совершение деяния и наступление преступного результата. Момент же юридического окончания преступления может быть законодательно установлен на любой из указанных стадий, следовательно, виды конструкций составов оконченного преступления должны соответствовать стадиям механизма преступного деяния. Единая концепция конструирования состава преступления на основе знаний о механизме преступного деяния позволит перейти от «хаотичной» системы построения уголовно-правовых норм к четкой и стройной теории, позволяющей унифицировать не только законодательство, но и судебную практику.

Содержание

Введение	3
Глава 1. Механизм преступного деяния, его содержание и значение	6
§ 1.1. Понятие механизма преступного деяния, отличие от смежных категорий	6
§ 1.2. Содержание механизма преступного деяния	37
Глава 2. Стадии механизма преступного деяния	62
§ 2.1. Понятие стадий механизма преступного деяния	62
§ 2.2. Взаимосвязь стадий механизма преступного деяния и вида конструкции оконченного преступления.....	95
Заключение	114

Научное издание

Ермакова Ольга Владимировна

**Понятие механизма преступного деяния
и его значение для науки уголовного права**

Монография

Редактор
Корректурa,
компьютерная верстка
Дизайн обложки

М.В. Егерь
С.В. Калининой
Е.О. Ифутинной

Лицензия ЛР № 02213552 от 14.07.1999 г.
Лицензия Плр № 020109 от 05.07.1999 г.

Подписано в печать 25.07.2019. Формат 60х90 1/16.
Ризография. Усл. п.л. 7,3. Тираж ____ экз. Заказ ____.
Барнаулский юридический институт МВД России.
Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел.
656038, Барнаул, ул. Чкалова, 49; бюи.мвд.рф.